

Новик, невольник, казак

Автор:

Степан Кулик

Новик, невольник, казак

Степан Кулик

Новик #2

Деяния полководцев запечатлены на батальных полотнах художников в назидание потомкам и в память о былой славе и величии. Но никто не знает, сколько не менее ожесточенных сражений происходило, прежде чем на ратном поле сходились полки и армии. Только потому, что эти подвиги совершались обычными людьми. Зачем скачет на Сечь Олеся, зная, что женщинам вход туда запрещен под страхом смертной казни?.. Что и куда везет разбойничий байдак атамана Ворона? Как Петру отличить друга от врага, если утром он речной тать, в обед – казак, а вечером – ушлый контрабандист? Поможет или помешает новым товарищам наш современник, когда придет его время выбирать, на чьей стороне сражаться?

Степан Кулик

Новик, невольник, казак

Оформление обложки Бориса Аджиева

© Степан Кулик, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

А. Блок

Часть первая. DENTE LUPUS, CORNU TAURUS PETIT... [1 - Волк клыками, бык рогами... (лат.).]

Глава первая

Поисковая группа вернулась к кострам примерно через час... Не вся. Уходили вчетвером. Вернулось трое. Ворон был как сам не свой. Метался по берегу и время от времени потрясал кулаками, выкрикивая проклятья. В чей именно адрес, я не расслышал. Вроде и близко байдак стоял, а все же шорох и плеск течения заглушали часть слов. Да и ветерок опять задул. Дополняя шелест листьев к общему шуму.

– А где Лютый? – неосторожно поинтересовался кто-то из тех, что не принимали участия в погоне.

– Там же, где и Татарчук... – не сдерживаясь, рявкнул на него атаман. – Учишь вас, дурней, учишь – да все без толку! Говорил же: держаться вместе! Нет – слышалось ему что-то, решил взглянуть. Даже не предупредил. А шел позади всех. Пока слышали хрип, пока прибежали на место, Лютый уже и ногами не сучил. И это не зверь напал. Свернул казаку голову, как куренку. А когда от того

места дальше по следам прошли – то и Татарчук нашелся. И тоже – мордой к спине. Не знаю, кто это – но силой его черти не обошли. Чтоб ему на том свете в казане кипеть!

– Он что, один там? – судя по голосу, спросил Хрипун.

– Не знаю... – атаман слегка успокоился и отвечал уже без лишней злости, более рассудительно. – Может, и несколько. Но пока мы видели следы только одного человека. Убейволк подтвердит.

Упомянутый им следопыт, одетый в безрукавку из волчьего меха на голое тело, лишь кивнул.

– И что? – Хрипун вопросительно развел руками, потом выразительно схватился за саблю. – Мы простим этому куску дерьма жизни двух наших товарищей? Утремся и поплывем дальше? Будто ничего не произошло? Радуюсь, что прибыль делить будем на пару частей меньше? Так?

Одноглазый атаман шагнул к чересчур говорливому разбойнику, сграбастал за грудки, подтянул к себе и, заглядывая в лицо, прорычал:

– Что-то ты слишком громко каркаешь! Не забыл, кто из нас Ворон?! Или хочешь не только охрипнуть, но и замолчать навек?

Однако разбойник не испугался.

– Ворон здесь один – наш атаман! Но если атаману наплевать на своих товарищей... То как бы ему одному летать не пришлось.

– Угрожаешь?! – окончательно свирепея, взревел одноглазый. – Ты?! Мне?! Да я...

– Уменьшишь ватагу еще на одного? – неожиданно вступился за хрипуна Пешта. – Что с тобой, атаман? Если б я не знал тебя столько лет, подумал бы, что ты... испугался.

Ворон тут же забыл о Хрипуне, схватился за саблю и прыгнул ко второму разбойнику. Но, видимо, к этому времени здравый рассудок сумел победить

ярость, и атаман лишь толкнул Пешту плечом. Но так, что тот плюхнулся на задницу.

– Я тоже не первый год тебя знаю, – проворчал почти дружелюбно. – Поэтому – живи пока. Но если еще хоть раз откроешь пасть...

Атаман не закончил. Вместо этого посмотрел на алые, будто обильно политые кровью, заросли вишняка, вытер ладонью потный лоб и продолжил:

– Черт! Если б я сам, своей рукой, не всадил в него пулю...

– О ком ты все время толкуешь, Ворон? – стоящий прямо надо мною кормчий тоже присоединился к разговору. – Мы его знаем?

Я молчал, но слушал в оба уха, еще и рот раззявив. Кто бы ни зачищал банду речных пиратов, для меня он уже был лучшим другом. Жаль, помочь не могу. Во всяком случае, сейчас. А там, как говорил слепой старик на смертном одре: «Поживем – увидим».

Глупая шутка. Тьфу три раза... Это всё от нервов. Понос мыслей.

– О побратиме своем, чтоб его черти в аду мордовали, – ответил Типуну атаман. – О ком же еще?

– Этого не может быть! – хлопнул по фальшборту кормчий. – Мы же все видели, как ты стрелял, а он упал в реку. Без притворства. Замертво... Забудь.

– Плохо ты его знаешь, – не дал разубедить себя Ворон. – Это такая шельма, что и из ада выбраться может. Черт! Поторопился. Надо было ближе подпустить, да в упор садануть. А еще лучше – голову отрубить, колом проткнуть, а после – тело сжечь и пепел развеять. Ну, ничего. Даст бог, встретимся и в третий раз. И тогда я уже не оплошаю.

«Ого! Атаман пиратский никак про оборотня говорит? Тогда я поторопился его себе в друзья записывать. Нафиг, нафиг... С такими друзьями и врагов не надо. Это только в дамских книгах да девичьих грезах благородные кровососы водятся. Возвышенные и душевно мечущиеся... или метаются?»

Ворон тем временем принял окончательное решение. Повернулся в сторону зарослей, приложил ладони рупором и крикнул:

– Василий! Это ты, сучий выродок?! Отзовись, паскуда!

Какое-то время вишневая роща молчала, а после откуда-то из глубины зарослей долетел ответ:

– Я... Иуда... я... Молись... На этот раз живым не уйдешь... Будет и у чертей праздник!

Голос звучал так, словно прямо по земле стелился. Шипя и извиваясь, как гадюка. А если учесть, что на берегу к этому времени уже изрядно потемнело, а солнце подсвечивало вишняк, превращая его в один кровавый разлив, то неудивительно, что разбойники непроизвольно попятились к реке. Некоторые даже в воду забрели. Поскольку многие верили, что нечисть не может переходить через бегущую воду. При этом наперебой осеняя себя крестным знаменем. Прямо монашеский орден или группа паломников, а не разбойничья ватага.

– Свят, свят, свят... – забормотал и кормчий. – Пресвятая Богородица, спаси и помилуй... Неужто Полупуд из мертвых встал?.. Или у Старухи коса притупилась? Типун мне на язык.

«Чего?! Я не ослышался? Он сказал – Полупуд?.. Он в самом деле сказал – Полупуд?! Мама дорогая! Василий жив?! Блин... Но каким чудом? Я же сам видел... Стоп. А что именно я видел? Как запорожец после выстрела за борт упал? Так “после” не значит “вследствие”! Ура! Теперь я точно не пропаду. Василий пришел за мной! Вот это друг, я понимаю! Сам погибай, а товарища выручай! Настоящий побратим!.. Побратим?..»

Тут меня что-то словно под ребро кольнуло и защемило под сердцем.

«Ворон ведь тоже о побратиме говорил. Выходит, они с Полупудом когда-то братались, а теперь – смертельными врагами стали? Ну и что? В жизни разное случается... Отец на сына, дочь на мать руку поднимает... Так чего с выводами спешить? В свое время Василий, если захочет, сам объяснит. Сейчас главное – держаться начеку и быть ко всему готовым. Вряд ли запорожец решил в

одиначку всю ватагу разбойничью порешить. Хотя с него станется. Придумает какую-то хитрость. А мне ее надо вовремя распознать и действовать соответственно!»

Пока я радовался и предавался мечтам, любовно оглаживая через штанину и голенище украденный кинжал, на берегу произошли изменения. В отличие от всех, Ворон будто даже повеселел. Во всяком случае, держался одноглазый атаман гораздо увереннее и спокойнее, чем несколькими минутами раньше. Он даже нагнулся и неторопливо подбросил хворост в костер.

Потом снова поглядел на заросли.

– И как же тебе удалось обмануть чертей, Василий? Что они согласились выпустить тебя из пекла?

Ворон больше не кричал. Говорил ровно. Даже до меня не каждое слово долетало. Но Полупуд услышал. И ответил. Тоже обычным голосом. Без змеиного шипения.

– А я пообещал им взамен другую душу прислать... Куда чернее собственной... Как смола.

– Всего лишь? – рассмеялся одноглазый. – Так выходи. Пора нам и в самом деле закончить эту давнюю историю. Хоть на ножах, хоть на саблях... Обещаю, между нами никто не встрянет. А ты знаешь, Василий, мое слово верное.

– Знаю... – после непродолжительной паузы ответили заросли. – Как только земля носит такого выродка? Не расступится под ногами.

– Может, потому что я теперь больше челном... – опять рассмеялся Ворон. – И батя Славута на меня не гневится. Уж кто-кто, а он столько сгубил, в шторма да на порогах, что мне за три жизни не управиться. Ватага тоже подобралась не хуже атамана... Типуна помнишь? Здравия тебе он не желает, сам понимаешь... А вот гостинец, при случае, мог бы передать...

Атаман с Полупудом продолжали попрекать один другого, не упоминая ничего конкретного, зато рядом со мною готовилась подлость.

– Гостинец, значит... – пробормотал кормчий. – Как скажешь, атаман. Можно и гостинец... Галушка свинцовая сгодится? Чтоб ему подавиться, типун мне на язык...

Кормчий опустился на одно колено и принялся заряжать мушкет, продолжая бормотать при этом:

– Ты мне только под выстрел его подставь... я уж не промахнусь, будь спокоен... В третий раз не уйдет.

Тем временем Ворон с Полупудом вроде договорились. Все разбойники отошли к одному краю опушки, подкинув сперва побольше дров в костры, а одноглазый атаман – сместился в другую сторону. Так что между ними оставалось шагов сорок свободного пространства. Ворон даже руками развел, как бы говоря Полупуду, гляди – остались только мы с тобой.

Очень благородно и похоже на правду, если б не пришвартованный у берега байдак. А вот от него до линии костров напрямую было не больше двадцати метров. И кормчий Типун, положив ствол на фальшборт, только ждал, когда увидит цель. Промахнуться с такого расстояния почти невозможно. Особенно картечью.

– Ну, где же ты? – бормотал разбойник, нетерпеливо поглаживая приклад мушкета. – Выходи.

И, словно услышав его просьбу, усыпанные вишнями ветки раздвинулись, выпуская из зарослей крепкую, мощную фигуру.

* * *

Сомнений не осталось – это действительно был Василий Полупуд, товарищ Минского куреня войска Низового Запорожского. Живой и целехонький, насколько я мог судить на расстоянии. Как ему это удалось, непонятно. Но тем не менее – факт в натуральную величину.

– Обниматься, как я понимаю, не будем... – насмешливо произнес Ворон. – Хоть и долго не виделись, да как по мне – и век бы не видать.

– Я тоже тебя не искал. Считал мертвым... – ответил Василий, обнажая саблю. – А коль свиделись, значит, так угодно Господу. Видать, и впрямь пора... Заждались тебя на том свете, иуда.

– Многих я в землю уложил, – атаман разбойников тоже вынул оружие. – Уж и счет потерял. Может, с сотню, а может, и больше. Но, веришь, никого с такой радостью не убивал, как сделаю это сейчас.

Полупуд в словесную перепалку вступать не стал, а лишь взмахнул клинком крест-накрест, чтобы приноровиться к весу чужой сабли, и двинулся вперед.

Ворон тоже не мешкал. Яростно зарывав, он бросился на противника, с ходу нанося целую серию ударов. Клинки ударились с сухим стуком раз, второй, третий... После чего атаман отпрыгнул и посмотрел на левое плечо. Чуть выше локтя на рубахе появилась темная полоса.

– Вот как... Вижу, ты времени зря не терял...

– Это да. А вот ты, я вижу, былую сноровку утратил. Ну, оно и понятно – с басурманами воевать, не беззащитных купцов да переселенцев грабить. Твои жертвы, небось, больше о пощаде молили, чем за оружие брались.

Ворон смолчал, но когда снова бросился вперед, сабля замелькала с удвоенной быстротой. И столь неудержимый натиск таки достиг успеха. Когда бойцы разошлись в очередной раз, похожая полоса темнеющей от крови ткани перечертила рубаху на груди Полупуда.

– А теперь что скажешь? – хвастливо заметил Ворон.

– И на старуху бывает проруха... – пожал плечами запорожец. – Считай, размялись. Теперь можно и всерьез поработать.

Полупуд снова взмахнул клинком крест-накрест, видимо, чужая сабля все же чем-то ему не нравилась. Может, баланс плохой или рукоять не так лежит, но ничего не поделать – другого оружия нет. Потом слегка присел и так, на полусогнутых ногах, словно пританцовывая, засеменял к противнику.

Тот тоже подобрался и впервые за все время не атаковал, а принял защитную стойку.

– Х-ха!

Клинки застучали так часто, словно барабан дробь отбивал. Почти сливаясь в один непрерывный звук. И когда наступила тишина, то стало слышно хриплое дыхание, а Ворон пятился, держа саблю опущенной вниз. При этом левая рука висела плетью.

– Молись, если хочешь... – запорожец тоже дышал тяжело, но голос его при этом звучал даже слегка торжественно. Не торжествуя, не злорадно, как можно было ожидать, а именно так – с грустью. Как произносят последнее слово на могиле человека, при жизни не заслужившего доброго упоминания, но теперь это уже не столь важно. – Авось, хоть какое-то облегчение выпросишь. Я бы не простил, но Господь милостив. Он даже Иуде и Ироду грехи отпустил.

И, как бы давая разбойнику время для покаяния, выжидающе остановился. Но тот и не думал о спасении души. Понимая, что в честном поединке победить запорожца не получится, Ворон прибег к подлости.

– Давай! – крикнул атаман и отпрыгнул в сторону, уходя с линии огня.

– Получи! – рыкнул Типун. Кресало щелкнуло, поджигая порох на пороховой планке, и в то же мгновение я толкнул кормчего в бок ногой. Несильно, едва дотянулся, но чтобы сбить прицел хватило.

Мушкет бабахнул, и пуля ушла в сторону.

– Ах, ты ж сучий потрох! – заорал кормчий и замахнулся на меня прикладом. К счастью, в последний момент удар придержал, видимо, пожалел мушкет. Так что терпимо. Зато сапогом прилетело жестко. Кажется, даже хрустнуло ребро. Но боль была не жгучая, значит, обошлось без перелома.

– Убейте его! – крикнул Ворон разбойникам, как только понял, что Типун промахнулся, но Полупуд тоже не ждал. Казак же не знал, сколько мушкетов нацелено на него с байдака. Так что уже в следующее мгновение огромными

прыжками метнулся к зарослям вишняка. И прыгнув в них рыбкой, как в воду, скрылся между низкорослых деревьев раньше, чем остальные успели понять, что кричит атаман.

– Догнать! – Ворон обессиленно присел на землю. – Догнать...

Но разбойники, опасливо косясь на заросли, не торопились входить в них.

– Трусы!

– Погодь, атаман... – встал рядом с ним Убейволк. – Не горячись... Ночь на дворе. Что мы там увидим? Скорее глаза ветками повыбиваем... Он без ружья, беды нам не сделает. Да и подрезал ты его... Так что к утру только ослабеет от потери крови. А если повезет, то и от пропасницы... Вот тогда я его и найду. Клянусь... Теперь уж наверняка никуда не денется. Там, – махнул рукой, – плавни и безлюдье на сотни верст. А здесь – мы...

Ворон подумал немного и кивнул нехотя.

– Разумно. Будь по-твоему.

После повернул лицо к байдаку.

– Ты почему промахнулся? Раньше метче стрелял?

– Паныч под руку толкнул... – проворчал кормщик. – Дозволь, атаман, я его прибью?

– Делай, как знаешь... – махнул тот здоровой рукой. Но пока Типун обрадованно доставал саблю, Ворон продолжил: – Только не забудь после кинуть сто монет в общий котел.

– Что?! Сто монет?! Атаман, да не заплатит нам никто за этого вылупка таких денег! Типун мне на язык.

– Хочешь об заклад побиться? Хорошо, я принимаю. Десять монет ставлю, что выторгую за паныча сотню.

– Тьфу, – сплюнул кормщик с досады и еще раз отвесил мне крепкого пинка. Но я уже был готов к этому и принял удар на здоровый бок. – Хай он пропадом пропадет, твой паныч. Не трону. Но я тебя не понимаю, атаман. Что-то ты слишком мягким стал. Не к добру это, типун мне на язык.

– Паныч, конечно, подкузьмил тебе. Но в чем его вина? Что, знакомого спасти хотел? Так это по нашему, казацкому обычаю. И от незнания... Знал бы, что промеж нами, может, поостерегся бы влезать. Так что, по уху съезди, не без этого, а как же, но и не особо усердствуй. Хлопец в своем праве.

– Обойдусь, – проворчал кормчий, что, впрочем, не помешало ему все же дать мне еще одного пинка. Правда, уже без злости. Так, мимоходом.

– Убейволк, ты голос подал – тебе и за старшего быть, – продолжал распоряжаться Ворон, – покуда я посплю. Трех поставь в дозор, остальным тоже отдыхать. Утром решим, что делать дальше. Вокруг ведь и впрямь на сто верст никого, а зацепил я его крепко. Может даже, до кости.

– Как скажешь, атаман, – следопыт принял приказ как само собой разумеющееся. – Сам посторожу. Если Полупуд сунется – живым не уйдет.

– Вот и славно... – Ворон только теперь выпустил саблю и позволил Хрипуну осмотреть рану.

И нескольких минут не прошло, как все угомонились. Весь день на веслах, хоть и по течению, не у телевизора на диване валяться. Бодрость от грозы и купания схлынула, возбуждение – вызванное появлением Полупуда – тоже, и усталость навалилась вдвойне. И не только на разбойников. Как ни убеждал себя, что надо держаться начеку, глаза то и дело закрывались, и я проваливался в бездонный колодец. Вздрагивал, понимая, что падению не будет конца, и снова бессмысленно таращился во тьму.

Иной раз тучи расступались, и я смотрел на засеянное звездами небо, вспоминая о таких же ночах, проведенных рядом с Полупудом. Потом снова падал и проваливался...

В одной из таких полудрем мне показалось, что что-то плеснулось рядом с байдаком. Я насторожился, прислушиваясь, но минута сменяла минуту, а ничего не происходило, и я снова погрузился в сон.

Мысль о том, чтобы сбежать, оставил сразу. Василий не просто так показался, он давал понять, что жив и не бросил меня. Но беда в том, что даже сбежав удачно, с моим умением ходить скрытно, я привел бы погоню напрямиком к Полупуду.

Именно это, как я подозреваю, и стало основной причиной, почему Ворон запретил Типуну расправиться со мной. Значит, тем более бежать нельзя. Но все равно, как ни крути, я по-прежнему оставался приманкой. Мысли об этом не прибавляли бодрости. Зато сонливость прошла.

Как известно, бесцельное ожидание выматывает больше всего, так что я уже и от уз освободился, и нож из сапога достал, на всякий случай, а ночную тишину по-прежнему не нарушал ни один подозрительный шорох. От напряженного вслушивания и высматривания неизвестно чего мне даже стало казаться, что звезды больше не стоят на одном месте, а плавно плывут по небу, размеренно покачиваясь, словно пытаются снова убаюкать меня и вернуть обратно в царство Морфея.

Что?! Плывут?! Звезды плыть не могут! Значит... Я чуть не взвизгнул от радости. Так вот что тогда плеснуло. Причальный конец отвязался и упал в воду. Весь вопрос в том – сам отвязался или его отвязали?

К сожалению, качку не один я почувствовал...

– Типун мне на язык, если мы не плывем... – пробормотал кормчий, поворачиваясь на бок. – Или это мне снится?

– Снится... – произнес я тихонечко, затухающим шепотом, как матери убаюкивают детей. – Снится... спи...

Но на опытного кормчего это совсем не подействовало.

– Кой черт снится?! Если мы уже почти на стремнине?! – вскочил Типун на ноги. – Это ты, байстрюк, байдак отвязал?! Ну всё! Молись, паныч! Наплевать на сто

монет! Убью и весь сказ!

Разбойник так разозлился, что выхватил саблю и бросился ко мне, явно собираясь исполнить обещание.

Возможно, я не герой, чтоб уж совсем бесстрашно глядеть в глаза смерти, но и не трус. При виде обнаженной сабли руками голову не закрываю. Хотя мог и закрыть. В данном случае они мне были без надобности. Хватило ног. Подтянув колени к животу, я со всей силы пнул Типуна в грудь, как только кормчий завис надо мною, явно собираясь довести дело смертоубийства до конца. Сработало! Мощным толчком кормщика, как катапульты, выбросило за борт. Только плеск пошел.

– Молодца, Петро! Я знал, что ты не дашь себе в кашу плюнуть! Жаль, спишь долго. Все веселье пропустил...

– Василий!

Я вскочил на ноги, по-прежнему не видя запорожца. И не только я. Те двое, что с Типуном пошли байдак охранять, тоже вертели головами во все стороны, стараясь разглядеть врага. Но его нигде не было. И тогда одному из разбойников пришла в голову умная мысль. Он шагнул ко мне, сграбастал за шиворот и притянул к себе. Руки я держал за спиной, как связанные.

– Эй! Полупуд! – крикнул в ночь «сообразительный». – Покажись, если паныча жалко. Ворона здесь нет, а я церемонится не стану! Чикну по горлу и за борт отправлю. Слышишь меня?

– Не глухой... – ответил запорожец и запрыгнул в байдак через корму. Видимо, на кормиле стоял. – Отпусти хлопца. Сами дело уладим.

– Вот дурной, – хохотнул тот, притягивая меня к себе поближе. – Мне ж только выманить тебя надо было. А теперь и тебя Карпо пристрелит, и панычу аминь.

Услышав характерный щелчок кремневого замка на мушкете, научился уже распознавать, я сделал то, чего от меня не ожидал никто. Да я и сам, если честно, тоже до последнего не был уверен, что смогу. Но, как говорится, беда

самый лучший учитель.

Разбойник держал меня так близко к себе, что для удара ножом в печень понадобилась доля секунды, а уже в следующее мгновение, оттолкнувшись от настила, я всем корпусом, как в регби, толкнул его в сторону стрелка.

Мушкет оглушительно громынул. Стреляли-то всего в трех шагах. Но весь заряд дроби, предназначенный Полупуду, получило уже полумертвое тело. А там и Василий внес свою лепту в абордажный бой. Дважды убитый труп еще падал, а казак уже перепрыгнул через него, одной рукой схватил за ствол, отвел в сторону разряженный мушкет и треснул стрелка в ухо эфесом сабли. После чего тот полетел за борт, даже не охнув, и как бы не быстрее, чем мне удалось вытолкнуть кормщика. А зная силищу запорожца, можно было не сомневаться – третий разбойник если и всплывет, то еще не скоро. Да и то далеко вниз по течению, сильно опухший и обглоданный рыбами.

* * *

– Василий! – я бросился к казаку и повис у него на шее. – Василий! Как же я рад, что ты живой!

– Гм... – запорожец похлопал меня по спине и освободился из объятий. – Я, положим, тоже рад, что живым остался, но ведь не кидаюсь на людей.

Это он так шутит. И я, улыбаясь во все тридцать два зуба, снова полез обниматься.

– Вот прицепился, как слюта до плота...[2 - Аналог «прилип, как банный лист» (укр.).] Ну, чего ты меня, словно девку, лапаешь? Угомонись, оглашенный, а то в ухо схлопочешь.

Но я не мог так просто отцепиться. Я ведь мысленно похоронил уже Полупуда. Простился с единственным в этом мире товарищем и готовился к другой жизни. В которой не будет друзей, а лишь рабский ошейник. Хоть и «белый», а не кандалы, как у тех бедолаг, что на каторге весла тянут или в каменоломнях спину гнут. Поэтому глядел на запорожца и глазам не верил. Казалось, стоит разжать руку, и Василий исчезнет, как сон... Растает, словно утренняя дымка

под лучами солнца.

Видимо, казак понял это, потому что еще раз хлопнул меня по спине и с суровой лаской взъерошил чуб.

– Ну, будет, Петро... Намилуемся еще... Давай к кормилу. Батька Днепр не ленится, несет байдак к морю. И, если не хочешь к воротам Кызы-Кермен причалить, придется потрудиться.

Полупуд отодвинул меня в сторону и нагнулся к трупку разбойника. Быстро ощупал его пояс, похлопал по пазухе, стянул сапоги. Вытащил оттуда небольшой кожаный мешочек и нож. Сунул все найденное добро себе за пазуху, а покойника выбросил за борт. Потом прошествовал на корму и взялся за правило. Оценил расстояние до берега и потянул держало на себя.

– Вижу, Петрусь, несладко тебе пришлось, что встречаешь меня, как родную мать? Сильно били?

– Нет... Не очень. Я же им, все как ты велел, сказал. И Ворон сразу смекнул, что меня можно с хорошим прибытком продать. Поэтому велел не трогать.

– Всегда был умен, шельма... – Полупуд пожевал губами и сплюнул, словно ему от одного лишь упоминания бывшего побратима делалось горько. – Эх, второй раз ушел, подлюка...

Я примостился рядом, вроде как бы помочь управлять байдаком. Все же одним рулем управлять тяжело груженным челном было не так легко, как с помощью двух десятков весел.

– Василий, это не мое дело... Если не хочешь, можешь не говорить...

Хитрил, конечно. И самого любопытство распирало, и видел, что казаку кипит на душе высказаться. Настолько, что он даже обрадовался моим словам.

– Хочешь узнать, какая история связывает нас с Вороном?

– Если на то будет твоя воля и согласие...

Полупуд еще раз окинул взглядом реку, пристальнее правый берег, что-то прикинул в уме и кивнул.

- Если ветер не подгонит, до устья притоки Шустрой, думаю, раньше полудня не доберемся, так что время есть. Можно и поговорить. У тебя табачку не найдется?

Я виновато развел руками. Мол, откуда у пленника имущество, но тут вспомнил о заныканной краюхе.

- Табачку нет, а вот пожевать кое-чего имеется.

- Здорово, - обрадовался Василий, когда я выудил из шаровар небольшой, как два спичечных коробка, кусок хлеба. - А то я вторые сутки только заячьей капустой питаюсь. Того и гляди - окосою и уши с оселедец вырастут.

Быстро прожевал хлеб, зачерпнул ладонью воды из реки и запил.

- Спаси Бог... - вытер усы ладонью. - Как рассветет, осмотрим байдак. Не может быть, чтобы разбойники весь припас на берег снесли. Хоть что-то да осталось. Заодно - поглядим, что они басурманам такого ценного везут?

- Везли...

- Что? А, ну да... - хмыкнул Василий. - Принимается...

Потом порылся за пазухой и вытащил мою трубку. Словно привет из дома передал.

- Видишь, сберег твою цацку. А табака нет... Ладно, - казак заботливо спрятал трубку обратно, - разговаривать можно и без дыму... Мы с Вороном побратались еще джурами. Я - как ты знаешь, на Сечи с пеленок рос, а его на Низ кобзарь привел. Хлопчик прибился к нему где-то аж под Краковом. Так и бродили вместе миром, покуда на Сечь не пришли. Кобзарь отдохнул и снова к людям ушел, а Ворон казаковать остался. И само собой так случилось, что двое сирот вскоре подружились. Я ему казацкую науку и обычаи помогал понять, а он мне о той жизни, что за порогами, рассказывал. Не разлей вода стали. Друг без друга нас только наставники видели, да и то мы старались сперва один наказ исполнить

вместе, а потом за другое дело брались...

Василий помолчал немного.

– М-да, счастливые были годы. Позже нас приняли в новики и стали брать в походы... Там мы тоже всегда держались вместе. Нас атаман даже если посылал куда, то непременно вдвоем.

На этот раз Полупуд умолк надолго. Явно боролся с воспоминаниями. С одной стороны, не желая будоражить уже подсохшую рану, а с другой стороны – не сорвав струп, не промыть ее от накопившегося гноя.

– Беда случилась, когда нам лет по двадцать пять было. Может, больше... Кто их на Низу считает? По дороге на Канев, чуть в сторону от Михайлова стана, пасека Никиты Полторака была... И жила на той пасеке вместе с дедом внучка его – Маруся. Ох и красивая дивчина... – голос у Василия дрогнул, казак зажмурился и отвернулся от меня.

Подождал чуток, пока волнение уляжется, и продолжил:

– Конечно же, мы потеряли от нее головы оба... Да и кто бы такую красоту не полюбил... И мы ей нравились. Но ведь нельзя сразу за двоих замуж выйти. Думала Маруся, думала и выбрала меня. В тот же день, как она о своем решении нам сказала, Ворона будто подменили. Темнее ночи стал, глаза будто у покойника ввалились. Ровно смертельная болезнь казака изнутри точила... Я хотел поговорить с побратимом, может, даже отступился бы от девушки, раз такая беда. Хоть и у самого сердце кровью обливалось от одной лишь мысли об этом. Но и побратима было жаль. Вот только Ворон стал меня сторониться и всякий раз от разговора уходил. А там и вовсе ускакал куда-то, даже куренного в известность не поставив.

И снова умолк Василий.

– Искали его какое-то время, да и перестали. Если сгинул – значит, судьба такая. А если не хочет никого видеть – то кто вправе заставлять? Не первый и не последний отшельник в степи или пуще. Священник из Михайлова стана огласил нас с Марусей на Троицу. Свадьбу гулять собрались на второго Спаса. А тем временем курень наш в набег пошел. Под Трапезунд... Туда удачно все

сложилось, а вот на обратном пути – шторм настиг. Чайки так разбросало, что и половины хлопцев не нашли. Кто утонул, а кого на турецкий берег выбросило. Остальных – к счастью, к нашей стороне прибило. Но чайки так пострадали, что больше половины суден только на дрова годились, а главное – весла в шторм поломало, хоть волоком тащи. И потащили бы, невелика наука, да только не мимо турецких крепостей. Пришлось большую часть добычи бросить, а самим пешком на Сечь идти. Днем в плавнях отсиживаясь, да от татарских разъездов прячась, а по ночам тайком домой пробираясь.

Теперь Полупуд говорил спокойно, размеренно. Видно было, что эта часть истории, хоть и печальная, но обыденная. Такая уж казацкая доля. «Часом с квасом, а порою – с водою». Иной поход так славно проходит, что всю добычу прихватить не получается, а иной – хорошо бы хоть самим ноги унести. О чем же здесь грустить?

– Задержался я, в общем. На пасеку к Никите только к Успению попал...

Тут голос запорожца снова дрогнул.

– Лучше б меня татарская стрела нашла, чем такая новость.

Я не перебивал даже взглядом. Понимал, что Василию тяжело вспоминать.

– На месте пасеки только пепелище осталось. Да две могилки... Куда жители Михайлова стана захоронили то, что от Марии и ее деда осталось. Сказывали, что, судя по следам, башибузуки на них наскочили. Но живыми взять не сумели. Дед с моей нареченной в доме заперлись, а когда те крышу разбирать стали, сами себя и подожгли.

Бр-р... Жуть какая. Аж мороз по коже пробрал. Это ж какая участь ждала людей в плену, если они добровольно лютую смерть готовы были принять, лишь бы живыми башибузукам не достаться.

– Но одного селяне не знали. На пепелище том я нашел дудочку. Ту самую, с которой Ворон не расставался с малолетства. Сказывал – отец ее ему вырезал. Она давно уж вся растрескалась и только шипела, а не дудела. Но носился Ворон с ней, чисто как ты со своей трубкой. Так что сомнений, чьих это рук дело, у меня не осталось. Вернулся я на Сечь, рассказал все как есть куренному и

спросил позволения казнить иуду...

Запорожец снова помолчал, после продолжил уже чуть наставительно:

– Чтоб ты знал, за убийство побратима на Запорожье одно наказание – смерть. Куренной, конечно же, такого разрешения дать не мог, а приказал доставить Ворона на суд товарищества. Пусть оно разбирается – чего он заслужил: изгнания или казни.

Казак привстал, поглядел на берег и позвал меня:

– Ну-ка, навались. Вовремя я вспомнил об этом рукаве. До Шустрой далеко еще, да и потом против течения выгребать вдвоем не так-то просто, а тут – если байдак хоть наполовину разгрузим, можно попробовать и на шестах до Базавлука дойти. Не получится – черт с ним, бросим. Не на торг едем. Зато до Сечи на день ходу ближе. И рукав этот не протока, а запруда стоялая.

Правда или придумал, чтобы делом отвлечься, но тем не менее, общими усилиями, нам удалось заставить тяжелый байдак повиноваться и свернуть, куда надо.

Днепр посопел, побурлил у борта, пенясь и горячась, но все же отпустил судно. И мы, свернув напрямик в заросли нависающих над водою плакучих ив, оказались в узкой, не больше шести-семи шагов в ширину, тихой, аж зеленоватой от водорослей, протоке. Мимо которой, если не знать точного места, проплыл бы на расстоянии руки и даже не заметил.

– Слава Всевышнему, – размахисто перекрестился Полупуд. – Подсобил... Не оставил в своей безмерной милости. Теперь можно и отдохнуть-оглядеться... Спаси и сохрани. Всё, Петрусь, здесь мы как у Христа за пазухой. Ни одна погоня не отыщет. Если бы даже такая была. Но второго челна у Ворона точно нет. Не вплавь же им за нами пускаться...

«Не понял? И он вот так закончит, оборвав рассказ на половине?»

– Василий! Имей совесть... – судя по нахмуренным бровям казака, любопытной Варваре не зря нос оторвали, но ведь свербит. – Хоть в двух словах скажи, чем

все закончилось.

– Так ничем... – пожал плечами запорожец. – Ты же сам видел. Ворон опять уцелел. А я... так понимаю, снова тебе жизнью обязан. Неспроста же Типун с десяти саженьей[3 - 1 маховая сажень = 2,5 аршина = 10 пядей = 1,778 метра.] промахнулся.

– Это неважно, – отмахнулся я. – Ты меня спасал, я тебе помог. Не о том разговор. Пожалуйста...

Василий вздохнул.

– Ну что с тобой делать... Только рассказывать более нечего. Искал я Ворона почти два года. А когда нашел – выкрал прямо из табора харцызов, где он атаманствовал. И на Сечь повез. Вот только глодало меня сомнение все время, не хотелось верить, что побратим верный такой сволочью стал. Разговорились как-то на привале, покаялся он, мол, сам не знает, что за помутнение на него нашло, и стал упрашивать позволить смерть принять, как подобает воину – с оружием в руках. Что не хотел он смерти деда и уж тем более Маруси. Что они сами мазанку зажгли, а верх он уже потом разбирать стал, чтобы спасти их. Врал, конечно, это я теперь понимаю, а тогда... Знаешь, Петро, хотелось мне ему поверить. Слишком уж пакостно было думать, что я побратимом такую мразь называл. Сам себя обманывал.

Василий провел рукой по лицу, словно та полуда до сих пор на глазах его была.

– Один раз мы в очень красивом месте остановились на ночлег. На высоком берегу Роси. Действительно, если умирать – то лучше и не найти. В общем, уговорил он скрестить с ним сабли. Мол, оружием мы равно владеем, так пусть Господь рассудит, кто прав. И еще что-то такое плел... я уж и не вспомню.

У меня имелось свое мнение насчет Божьей справедливости, но сейчас было не ко времени его высказывать.

– Но Ворон суда дожидаться не стал. А как только почувствовал свободу и взял в руки саблю, стал насмехаться надо мною. Сказал, что на пасеку он приехал сам. И никто его не опасался. Что сперва он зарубил деда, связал Марусю и только потом ватагу свистнул. Что три дня и ночи гостили они у моей невесты

вдесятером. И лишь перед отъездом подожгли хату... Чтоб следы глумления скрыть.

Василий скрипнул зубами.

– Врал... сучий сын! – я должен был это сказать. Ради Василия. – Хотел разозлить тебя. Сам ведь учил, что холодная голова в бою важнее всего. Вот и бил по больному. Плевал в душу...

Полупуд поглядел внимательно и медленно кивнул.

– Спасибо, Петро. Надеюсь, именно так оно и было. А тогда я и в самом деле разум потерял. Ничего вспомнить не могу. Будто вихрь перед глазами пляшет. Одно вижу, как сейчас – острое сабли вонзается в глаз Ворону, и тот замертво валится с кручи в реку. Сам я тоже без чувств упал, много крови потерял. А когда очнулся – его уже течением отнесло. Так что до вчерашнего дня я был уверен, что Ворон мертв. Куренному рассказал правду. Повинился, мол, так и так... Воля твоя, батька, хочешь казни, хочешь милуй. Долго думал старый Матвей, а потом решил, раз тела я не видел и готов присягнуть в том на исповеди, то и убийства не было. Значит, винить меня не в чем. И, как видишь, прав оказался. Если б судили меня тогда, то напрасно. Зато теперь, Петрусь, не один Господь мне свидетель, но и ты всё видел. Есть с чем на суд товарищества выйти и приговора Ворону требовать. И если круг старшин постановит отступника казнить, то каждый казак будет не только вправе, но и обязан убить его. Где лишь только встретит.

Глава вторая

– Не было у бабы забот, завела себе козу... – пробормотал Полупуд, озадаченно подергивая ус. – Даже не знаю, радоваться или напротив... Бросить такое добро – всю оставшуюся жизнь жалеть, а на горбу не утащишь, пупок развяжется.

Столь мудрые мысли казак изрекал, поглядывая на распотрошенные тюки и рогожные кули, в которые был упакован груз байдака. И было от чего. Почти весь товар состоял из слитков свинца, бочонков с порохом и новеньких

мушкетов. «Янычарок», как обозвал ружья Василий. Уважительно уточнив при этом, что оружие шведское. Не фитильное, а с кремневым замком. Более удобное в обращении. И стоит, соответственно, гораздо дороже обычной пищали.

– Жаль, некого спросить, сколько его здесь... А пересчитывать по одному, маеты на неделю, не меньше.

– Зачем спрашивать? Если тебе интересно примерное количество, плюс-минус десяток, то это мы мигом подсчитаем.

– Ага... – казак лишь рукой махнул. – Ты что, не видишь, сколько здесь всего? Чтоб мне полпуда соли съесть, если до утра не провозимся.

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь... – усмехнулся я пренебрежительно с высоты незаконченного высшего образования. – Тоже нашел проблему... Сколько связок в том тюке? Раз, два, три... Дюжина. А сколько тюков всего? На корме восемь да на носу четыре. Тоже дюжина. А сколько мушкетов в связке? Шесть... Итого... Шесть на двенадцать равно семьдесят два. Семьдесят два на двенадцать... Семьсот двадцать плюс сто сорок четыре. Суммируем и получаем... Восемьсот шестьдесят четыре мушкета. Ого! Дофига, однако...

– Сколько? – глядя на меня, как на ожившую икону Богородицы, благоговейным шепотом переспросил запорожец. – А ты не ошибся, Петро?

– Это ж элементарная арифметика, – пожал плечами я, но вовремя вспомнил, где и с кем разговариваю. – Древнейшее искусство сложения, известное еще до рождения Христа и приумноженное монахами. Благодаря этим знаниям можно строить храмы и дороги. Так что не сомневайся. Ровно восемьсот шестьдесят четыре. Если во всех тюках одинаковое число связок. А в связках по шесть мушкетов.

– Пресвятая Дева Мария! Это ж целый стрелецкий полк вооружить можно. И припаса огненного как раз столько же... Гм. И все это ватага Ворона в Крым везла? Туркам. Вот же иродово семя. Что ж, Петрусь, вот и еще одно подтверждение твоему давешнему видению. Грядет война... Большая война. А значит, нам еще сильнее на Сечь поспешать надо.

Василий помотал головой.

– Да как со всем этим поспешишь? Я ведь думал, мы большую часть груза выбросим и облегчим байдак настолько, что сможем с ним вдвоем управиться. Теперь же – ума не приложу, как быть? Выбрасывать такое снаряжение – совсем ума лишиться.

– Доплыли ж мы как-то сюда, попробуем и дальше...

Полупуд только вздохнул.

– Считать тебя святыне отцы научили, этого не отнять. Золотая голова. Вот если б еще и думать умела... Мы в протоку по течению вошли, батька Славута нас на своей спине вез. А тут встречное течение хоть и слабое, не помеха, но ведь и не помощник. Байдак не лодка, его одной парой весел с места не сдвинешь. Был бы нас десяток... – казак махнул рукой. – Хоть четверо...

– погоди, Василий. Ты на груз смотришь, как на одно целое. А это ж совсем не так. Что самое ценное? Мушкетеры. Верно? А что самое тяжелое? Свинец. Значит, мушкетеры трогать нельзя, а свинец можно и выгрузить. Тем более его куда ни положи, хоть утопи в приметном месте – не испортится.

Казак даже лицом просветлел.

– А вот теперь, Петро, впору мне себя дурнем обозвать. Спасибо, что надоумил. Чисто затмение какое нашло. Конечно же... Так и сделаем... Ну, чего расселся? Берись за шест... Поплыли.

Легко сказать, да не просто сделать... Попыхтев от натуги несколько минут, но так и не сумев сдвинуть байдак с места, Полупуд снова приуныл. А вот меня, наоборот, азарт взял. Я всегда любил задачки решать. Правда, в школе и институте они в основном были чисто теоретическими, но суть от этого не меняется.

Что дано? Челн и груз. Пока не разгрузим, с места не сдвинемся. А чтобы разгрузить – необходимо достичь места разгрузки. Вроде верно, но при таком изложении – задача не решается, тупик. Значит, условия неправильные. Почему

я рассматриваю судно и груз в комплексе?

– Василий, скажи, чтобы плот смастерить много времени надо?

Какое-то время Полупуд глядел на меня недоуменно, потом пружинисто вскочил на ноги.

– Чтоб мне никогда больше чарки горилки не выпить, если ты, Петро, в люди не выьешься. Атаманская голова, вот те крест... – запорожец размашисто перекрестился и сунулся ко мне с распростертыми объятиями.

Спасибо, не надо. Цветы и конфеты не пьем!.. А с небритыми мужиками не целуемся. С бритыми тоже...

В общем, от объятий я уклонился, а Василий не настаивал. Душевные порывы тем и хороши, что быстро проходят.

Топор на судне имелся. Даже не один. Так что и мне работа нашлась. Рубить сучья и ветки на тех стволах, которые Василий посчитал подходящими для постройки плота. В общем, усилиями Полупуда и с моей скромной помощью, к обеду плот был готов. Далеко не шедевр изящества, зато на плаву держался. Правда, в полузатопленном положении, но мы непривередливые. Ну, а слиткам свинца, если мне не изменяют знания по химии, небольшая купель тем более не повредит. В грудь бить себя не буду, но, кажется, этот металл воды не боится и не подвержен «ржавчине». Из него еще римляне трубопроводы строили. За что и поплатились... Если археологи не врут, поскольку ржаветь свинец не ржавеет, а в водичку потихоньку добавляется. И отравляет ее. Медленно, но неотвратимо. Впрочем, может, и «утка». Чего только журналисты ни придумают ради тиража...

Поиски подходящего места и обустройство тайника заняли еще несколько часов. Так что переправку части слитков пришлось отложить на утро. Но и того, что мы перевезли в тайник за четыре ходки, оказалось достаточно, чтобы борта байдака приподнялись над водой на добрую пядь. Чем очень сильно обрадовали казака. У него даже аппетит прорезался. Уничтожал припасы разбойников со скоростью степного пожара и с такими же результатами. Подчистую...

- Василий, ты разве не знаешь, что живот добра не помнит? Сколько ни корми, а наутро он снова есть просит...

- Чего? - Полупуд недоуменно посмотрел на меня, потом на полупустой мешок с провизией и сконфуженно хмыкнул:

- М-да, что-то я разошелся... Надо было раньше остановить. Нам еще пару дней кормиться.

Вместо ответа я показал ему шрам на переносице.

- Не понял?

- Это я в детстве хотел у соседского пса кость отобрать.

Казак коротко хохотнул.

- Уел... умник. Ладно, ложись спать. Посторожу, раз такое дело. На рассвете подниму, сменишь меня.

- Может, наоборот? Ты сильнее устал и от сытости на сон потянет. К тому же я все эти дни прохлаждался, а ты - байдак догонял. С разбойниками сражался. Да и сейчас, не в пример мне, трудился. Я с ног свалюсь - ты и не заметишь, а если сам силу растеряешь - оба пропадем.

Полупуд не стал спорить. Кивнул, прилег на бок и тут же размеренно засопел. Железные нервы у человека. Аж завидно. А вот мне не спится. То ли устал, то ли от избытка эмоций. В целом хорошо - я же на посту. Но беспокойно на душе. Все время кажется, что вот прямо сейчас, сию секунду что-то случится.

Поерзав какое-то время на скамье, я поднялся и осторожно, чтобы не побеспокоить Полупуда, пошел на нос судна.

Судно... Я даже ухмыльнулся высокомерно. Чуть больше двух метров в ширину и примерно двадцать шагов в длину. Как трамвайный вагон.

Но меня не размеры его интересовали сейчас, а один, примеченный еще раньше небольшой сундук. Точнее – его содержимое. Поскольку в нем хранились пистолы. Разного типа и вида. Лично мне приглянулась одна пара. Они лежали в отдельном ящичке и казались самыми элегантными из всех этих мини-мортир.

Василий почему-то отнесся к ним пренебрежительно. Посмотрел, хмыкнул, сказал: «Баловство», – и потерял всяческий интерес. Тогда как мушкетами был очень доволен. Долго выбирал, примерялся, потом сразу опробовал, сбив с сосны шишку, и после этого уже расставался с ним, только когда в воду лез.

А как по мне, то надо быть мастером по тяжелой атлетике или кузнецом, чтобы стрелять из этих «янычарок», удерживая ствол на весу. Да и то отдачей с ног сшибет. Пробовал, знаю... Дураков нет. Зато понравившиеся мне пистолы были и достаточно легкими, чтобы рука не дрожала, и в то же время выглядели весьма внушительно. В калибрах не разбираюсь, но мизинец в дуло влезал. Да и пульки, в специальном замшевом мешочке, к ним прилагались тоже серьезные. Каждая как лесной орех. Рукоять удобная, сама в ладонь ложилась. И вообще, из всех этих смертоубийственных изделий они казались самыми совершенными, что ли. И технически ближе к моему веку.

Так что я выбрал именно их. Почистил, зарядил и сунул за пояс. Мимолетно подумав, что если бы вот в таком виде – сабля на боку, пистолы за поясом – вышел на сцену, то произвел бы настоящий фурор в институте. Вот только после здешней жизни – прошедшая с каждым днем казалась мне все менее реальной. Будто я не попал из третьего тысячелетия в Дикое Поле шестнадцатого века, а всегда жил именно здесь – а будущее мне просто приснилось. Настолько нереальным и пресным оно казалось отсюда...

Не знаю, пистолы мне придали уверенности и позволили расслабиться, или усталость свое взяла, но я каким-то образом умудрился задремать. А как иначе объяснить, что сморгнув очередной раз, вместо неба я увидел темную фигуру и учуял смрадное дыхание.

Надо заметить, что уровень здешней стоматологии пребывает на уровне прикладной хирургии. В том смысле, что зуб считается либо здоровым, либо подлежащим удалению. Так что запашок изо рта у всех без исключения еще тот. Просто некоторые, вместо «орбит», освежают дыхание жевательным табаком, чесноком, луком или ополаскивая полость рта горелкой.

Если б не это, я, может, и не отреагировал бы так быстро, приняв тень за сновидение, но призраки не пахнут. Тем более чесноком. А еще не замахируются саблей. Блеск стали в лунном свете окончательно вывел меня из ступора, и поскольку я все еще любовно поглаживал рукоять пистоля, то он и оказался у меня в руке.

Бабах!

Тень охнула, сложилась пополам и рухнула на днище байдака, лязгнув выпущенной саблей. Открывая обзор.

Как оказалось, она здесь была не одна. А в компании еще как минимум троих. И я, недолго раздумывая, выстрелил второй раз, целясь в них всех сразу.

Кого-то наверняка задел, поскольку вопль боли повторился, а дальше в моем участии нужды не было. Полупуд проснулся.

Даже не поднимаясь, он сбил с ног одного из нападавших подсечкой, второго уложил – дернув за ноги, и тут же навалился на них сверху. Кулак взметнулся вверх и упал дважды. Потом запорожец поднялся и оглядел место схватки. Одного из тех, что я подстрелил, чиркнул ножом по горлу и выбросил за борт, возле второго присел в раздумье.

– Вот всем ты хорош, Петрусь, – проворчал недовольно. – Но надо ж соображать... Куда спешил? Могли четверых гребцов заполучить, а благодаря твоей меткости, только двое останутся.

– Я смогу грести! – вскричал раненый разбойник. – Не убивай, Василий. Если не на веслах, то на кормиле пригожусь, типун мне на язык. Промеж нас вражда давняя, но крови нет... Господом Богом клянусь!

* * *

– Типун? – только сейчас узнал я в раненом разбойнике кормчего по неизменной присказке.

– Надо было не слушать Ворона и прибить тебя раньше, паныч... – пробормотал тот, потирая бок. Потом сунул руку за пазуху и вытащил оттуда туго набитый кошель. – О, а говорят – не в деньгах счастье, типун мне на язык. Не было б денег, поймал бы пулю животом. Эх, носил волк овец, понесли и волка... такая наша доля казацкая.

Охнул и согнулся от удара Полупуда.

– Не смей рыцарское звание поганить, паскуда... – рявкнул Василий. – Харцыз, душегуб, тать, разбойник... Как хочешь обзовись, а казаком не смей – язык отрежу.

Видно было, что Типун очень хотел бы ответить не менее резко, но понимал – запорожец не шутит, и смолчал.

– Много вас?

– Кого уговорил со мной пойти, все здесь... – нехотя признался кормщик. – Ворона ты сильно подрезал... Много крови потерял атаман. Придется пару деньков отлежаться. Убийволк сказал, что на воде следов не видит и толку с него не будет. Остальные тоже не верили, что челн можно вплавь нагнать.

– А ты верил, значит?

– Не дурнее тебя буду, типун мне на язык. Всю жизнь на воде. Понимал, что к туркам вы не поплывете, против течения на веслах не сдюжите, а ветра попутного не было. Да и о притоке этой слышал. Захаживать – не заходил, врать не стану, но что есть она, про это знал. Вот и глядел в оба, когда на куге, сплетенном из веток, вдоль берега плыли. Правда, чуть мимо не проскочил. Повезло – пальбу мушкетную услышал. Так и нашли вас.

– Повезло, говоришь?

– Почему нет? – рассудительно ответил кормчий. – Кто мог знать, что паныч в обнимку с пистолем спать ляжет? И уж тем более, даже если б кто сказал, не поверил бы, что такая неженка стрелять умеет. А если б не этот конфуз, все могло бы иначе сложиться. Ну да чего уж... Сняв голову, по волосам не плачут.

Ваша взяла... Ты бы, Василий, перевязал меня, что ли? Живот кошель защитил, а руку не прикрыло. Зацепило... Кровью изойду, типун мне на язык... А какой вам прок от немощного?

- Это можно...

Казак разорвал рукав на камзоле кормчего. Обильно посыпал кровоточащую рану порохом и клацнул огнивом. Полыхнуло, как при фотовспышке, и Типун простонал сквозь стиснутые зубы нечто непроизносимое при монахах и дамах. Потом глубоко вдохнул и произнес уже нормальным голосом:

- Спасибо, типун мне на язык. Чтоб ты здоров был...

- Извини, с тряпками возиться некогда, - спокойно ответил тот. - Но за «спасибо» папа с мамой спать не хочет... За это ты мне расскажешь, где такой знатный товар взяли и кому везли?

- Расскажу, Василий, - согласился кормчий. - Непременно расскажу. Только не тебе, а кошевому. Я, знаешь ли, пожить еще хочу. В крайнем случае - умереть без мучений. Сам знаешь, что ждет харцыза в Сечи. А кроме этого знания мне в обмен предложить нечего. Такой мой сказ будет. Ну а решать тебе... Только сперва вот о чем подумай: какие пытки ты сможешь придумать, что меня не ждут на Сечи, если не договоримся?

Полупуд подергал ус и кивнул.

- Понимаю. Пусть так и будет. Садись к кормилу. Но смотри... Вздумаешь учудить чего, тоже поймешь, что сильно ошибся. И везение твое на том берегу Днепра осталось. Рядом с Вороном.

Разговаривая с кормчим, запорожец не забывал и об остальных разбойниках. Так что когда те очнулись, то оказались привязанными к скамье. Причем так хитро, что любая попытка вскочить затягивала петлю на шее. И пленники это очень быстро поняли, поэтому сидели смирно, только глаза таращили. Рты им Полупуд тоже заткнул. На всякий случай. Не поверил Типуну, что тот пустился в погоню всего лишь с тремя разбойниками.

Я тоже. Поэтому участия в разговоре давних знакомцев не принимал, а торопливо заряжал пистолы и мушкеты. К слову, без должных навыков это весьма хлопотное дело. Особенно если торопишься. То порох мимо просыплешь, то пулю уронишь. Или пыж вставить забудешь, и вся начинка из дула высыплется.

Так что к тому моменту, когда с ревом, воем и свистом на байдак со всех сторон полезли полуголые разбойники, у меня наготове было только четыре пистолы и два мушкета. Зато ни одного фитильного, все с кремневыми или колесцовыми замками.

– Ах ты ж тля! – рявкнул Полупуд и с досады или для обеспечения тыла от души звезданул кормщика в ухо. – Держись, Петро! Бей, кого можешь, не жалея! Гребцов я сам наловлю!

Похоже, абордажный бой для запорожца был чем-то сродни веселья... и танца. Он чувствовал себя в нем как рыба в воде. Скакал чертом, вертелся юлой, носился вихрем... Колол, рубил... Парировал, уклонялся и отпрыгивал, умудряясь при этом пнуть врага ногой или толкнуть так, что тот летел за борт. Потом снова бросался вперед и снова рубил... В какой-то миг мне даже показалось, что на судне не один Полупуд, а как минимум трое. И чтобы справиться с какой-то дюжиной головорезов, им и помощь не нужна.

Думать можно разное. Это не запрещено. А вот клювом щелкать в быстротечном абордажном бою чревато. Обстановка меняется мгновенно. Зазевался – «со святыми упокой...». Эту науку Василий мне успел преподать.

Так что я сразу разрядил мушкет в тех, которые заходили к запорожцу сзади. Не промазал. Потому что положил ствол на тюк и хорошо прицелился. Чубатая голова, держащая в зубах длинный нож, как переспелый арбуз лопнула, забрызгав соседей мозгами и кровью. Что, естественно, не придало им азарту.

Второй выстрел уже произвел с колена. Получилось хуже. В последний момент опорная рука подалась под весом мушкета, но все же, судя по воплю и всплеску речной воды, не промахнулся. Впрочем, не факт. Завопить и свалиться за борт вполне мог кто-то из «приголубленных» клинком Полупуда.

Потом пришлось позабыть о корме и позаботиться о себе самом. Пока стрелял в «дальних», на нос байдака тоже вскарабкалась парочка разбойников.

Бабах!

Знаю, что ранение в живот мучительное, и с удовольствием стрелял бы в голову, такой я гуманист, но туловище мишень побольше размером. А я очень хочу жить. Привык, наверное. А для этого лучше не промахиваться.

Бабах!

Гладкоствольный пистоль не самое точное оружие, но с расстояния в два шага не попасть в ростовую цель сложно. А уж с одного – особенно когда к тебе тянутся клинком – и вовсе надо в другую сторону стрелять, чтобы промазать.

Оба разбойника, корчась и завывая, свалились на дно байдака.

У меня осталось еще два заряженных пистоля, а бой, похоже, приближался к концу.

Поминая всех святых угодников и обещая всем насыпать на одно место по полпуда соли, Василий еще фехтовал с двумя харцызами, но и только. Остальные либо лежали смиренно и тихо, как пристало покойникам, либо корчились и стонали от боли. Вокруг судна, в воде, виднелась пара тел, но ни одно из них не шевелилось.

Полупуд тем временем вышиб саблю из рук у предпоследнего противника. Но тот, в ярости или от страха, неожиданно пригнулся и, даже не помышляя о защите, бросился казаку в ноги. Василий рубанул его по спине, так что того аж выгнуло, но отпрыгнуть не успел и на ногах не устоял.

Видя это, последний разбойник заорал что-то и метнулся вперед, в надежде добить лежачего. Но я тоже не дремал.

Бабах!

Разбойник вздрогнул, пошатнулся и сделал еще один шаг вперед, держа саблю перед собою, острием вниз, как колун.

Бабах!

И даже не глядя на результат, стал лихорадочно перезаряжать пистоль. Береженого и Бог бережет. А удача сопутствует тем, кто готов к любым неожиданностям.

К счастью, добавки не понадобилось. Последний разбойник упал навзничь одновременно с тем, как вскочил Полупуд.

Всё... Бабушка приехала.

Усталость навалилась такая, что я без сил присел на тюк и опустил словно налитые свинцом руки. Пуля тут же выкатилась со ствола и негромко плюхнулась в лужицу на дне байдака. Странно, откуда только взялась, вроде раньше вода не просачивалась.

– Метко стреляешь... Хвалю... – Василий вытер клинок одеждой одного из убитых, но остался чем-то недоволен, потому что сделал это еще раз рогожей, и только после этого сунул саблю в ножны. – Один бы я так хорошо не управился. Трупов, конечно, многовато. Но все ж лучше, чем дырка в собственной шкуре. Ты сиди, сиди... В такой слабости конфуза нет. Это с непривычки... После первого десятка пройдет. Не покойников... Их у тебя уже немало набралось. В десятке боев надо побывать... Пока перестанешь каждый раз, как заново, переживать.

Казак неторопливо продвигался от кормы в мою сторону, проверяя состояние поверженных противников. Трупы быстро обшаривал, скорее по привычке, чем целенаправленно (что с полуголого взять?) и вываливал за борт. Троиш, взглянув на раны, кольнул ножом в сердце и тоже отправил в реку, а двоим – стянул руки веревками и привязал к уключине. Значит, посчитал, что пригодятся еще.

Так постепенно добрался и до Типуна.

Кормщик, как очнулся, так за все время даже с места не сдвинулся. То ли рана донимала, то ли надеялся, что и без него управятся. Видимо, свой промах

посчитал досадной случайностью, и сейчас ему даже в голову не пришло, что двое – один из которых паныч-неумеха – смогут противостоять целой ватаге отборных головорезов. А когда увидел, чем дело закончилось, притих, как мышь под веником. Чтоб лишний раз не сердить победителей. Ибо еще древними сказано: «Vae victis»[4 - Горе побежденным (лат.).].

– Убьешь? – спросил покорно, когда Полупуд встал перед ним.

– За то, что обмануть попытался? – переспросил запорожец. – Нет... Любой бы так сделал, у кого духу хватит. В желании обмануть врага ничего постыдного нет. За это зла не держу. Но если челн на мель посадишь или другую каверзу учудишь, тогда – не обессудь. Богом клянусь, пожалеешь, что на свет уродился. Локти и колени перебью, а потом по шею в воде к кормилу привяжу и так оставлю. Сколько сдюжишь, столько и живи. Веришь?

Казак говорил спокойно, даже нехотя, словно о мелочи какой. Не срочной и не важной. Но даже я понял – сделает, как пообещал. Понял и разбойник.

– Об этом не беспокойся, Василий. Доведу байдак до Коша так близко, как только вода к берегу подходит... И будь, что будет. Простят братчики – в монастырь уйду грехи замаливать, типун мне на язык. А нет – стало быть, пожил, сколько Богом отпущено, да и хватит. Чего там... Если не наелся, так уже и не налижешься...

* * *

Хорошо, что Василий поверил Типуну. Не знаю, по каким приметам тот ориентировался, и как бы стал искать дорогу на Запорожье Полупуд, без помощи кормщика, – лично я заблудился бы уже к исходу первого дня. Причем окончательно и бесповоротно. Десятки проток, рукавов, проливов, затоков и запруд переплелись в такое затейливое кружево, что знаменитый Кносский лабиринт, тот самый, где обитал минотавр, в сравнении с плавнями Великого Луга – Калининский проспект. И ни одного указателя. Каждый поворот – испытание удачи и игра случая. Можно проскочить на новый полноводный плес, а можно влететь в такую топь, где от воды только влага осталась, а все остальное – мох, комары, пиявки и лягушки.

А главное, из-за густых зарослей осоки да камышей, дальше чем на пару метров ничего не видно. То ли по руслу извилистой реки плывешь, то ли между островами петляешь, а самого берега и не видать. Иной раз выглянут над зарослями ветки вековых деревьев, так впечатление, будто с разбегу в лес заповедный попали, и днище байдака не по дну, а по сплетенным корневищам скребет. И приходится переворачивать весла, потому что для гребка нет простора, а можно лишь отталкиваться. Поглядывая с опаской вверх... Того и гляди рысь на спину прыгнет.

А потом еще поворот, и снова вокруг только водная гладь. Тихая и безмятежная. Усыпанная желтыми кубышками да белыми водными лилиями, которые в народе кувшинками зовут. Красота, аж дух захватывает. Хотя это, скорее всего, от густого аромата цветов и постоянного напряжения мышц. Вот когда впервые довелось осознать всю полноту термина «каторга».

Нет, я и раньше знал, что каторгами называли турецкие весельные суда, типа галер. И что гребцами на них были приговоренные к пожизненному заключению преступники или рабы. Но почему именно это слово стало общим названием всем видам тяжелого, изнурительного труда, понял только теперь. Посидев полдня на веслах. Врагу не пожелаю...

Мозоли на ладонях – это ладно. Поплевал, обмотал весло тряпицей... В общем, можно терпеть. А вот боль, поселившаяся в каждой мышце рук и спины, радостно вгрызающаяся в них изнутри при каждом движении... Ломота в пояснице и обжигающая, словно раскаленный прут, резь в икрах... Никогда не считал себя слабаком, но тут спасовал... Не добровольно. Характер не позволил. Просто в один момент хлынула носом кровь, и я без чувств сполз на дно байдака.

– Паныч... – проворчал кормщик. – Надо было сразу прибить, типун мне на язык. Вот как чувствовал. Из-за него всё... Если доведется еще когда Ворона встретить, чертом клянусь, что стребую с него сотню дукатов. Которую атаман за паныча выручить хотел. Типун мне на язык.

– Суши весла!

Василий, недолго думая, сгреб меня в охапку и сунул с головой в реку... После того как мы сгрузили с судна почти весь груз свинца, борта заметно поднялись над водой, но все же не настолько, чтоб не удержать меня за руки.

Райское блаженство.

– Не утонешь?

Я только улыбнулся в ответ на столь глупый вопрос. Человек же на восемьдесят процентов состоит из воды. Как же она сама в себе утонуть может. И вообще, вся жизнь именно отсюда на сушу выползла.

– Тогда держи веревку... Помощь понадобится, зови. И не мокни долго. Пропасница кинется.

Это я понимал. После сильного перегрева резкое охлаждение чревато разными осложнениями, вплоть до паралича сердечной мышцы, но сейчас мне было наплевать на все ужасики, вместе взятые. Я наслаждался ощущением легкости и уюта. Так, наверно, чувствует себя младенец в утробе матери. Почему и покидает ее с криком.

– Твою дивизию! Акула!

Я вылетел из воды со скоростью пробки, вышибленной из бутылки шампанского. И очутился на палубе раньше, чем сообразил, что никакие акулы не только в Днепре, но и во всех других пресных водоемах не водятся. Как и киты-касатки, к слову. Но что же тогда только что такое огромное и шершавое обтерлось о мою спину? Крокодил? Гиппопотам? А, может, водяной дух, которого на этот раз мы забыли задобрить, зато подгадили изрядно, свалив за борт кучу трупов?

– Чего? – Василий с «янычаркой» в руке стоял уже рядом и пристально вглядывался в воду. – Что ты орал? Я не разобрал...

– Это на латыни... – отмазался я. – Что-то большущее меня под водой задело. Неприятно. Как наждаком по спине проехалось.

– Осетр или белуга... – не удивился казак. – Видимо, на нерест поднялась, да и заблудилась в плавнях. Очень большая?

– Больше меня наверняка.

– Старая... Пусть плыет. Весной попробовали бы достать, ради икры. А сейчас нет толку.

– А мясо?

Хохот всех, кто находился в байдаке, стал мне полноценным ответом. Но они не знали обо мне того, что Василий. Поэтому Полупуд, не обращая внимания на разбойников, спокойно объяснил:

– У старой рыбы мясо, что эта ветошь. Ни вкуса, ни пользы. В одном ты прав, Петро, пора и о ужине подумать. Сейчас закинем бредень да сообразим пару рыбин на ушицу. Плыть по реке да сухарями питаться – глупее не придумаешь. Типун... Где тут у вас снасти лежат, а то я еще не весь байдак обшарил. Сперва не до того было. Потом стемнело... А там и вы пожаловали. Говори, говори... Не переворачивать же весь челн вверх дном. Сам же потом за оба уха уплетать станешь.

После роскошной купели я пребывал в неге и блаженстве. В том смысле, что тело нежилось, а взгляд дружелюбно скользил по лицам разбойников, в отличие от меня – добровольца, приговоренных к веслам волей запорожца. Угрюмые, злые глаза, в которых явно читается пожелание нам подохнуть в муках, но при этом не елозящие, глядящие прямо. Они подчинились силе, но не покорились, не сдались. И только один взгляд в тот самый миг, когда Полупуд заговорил о снастях, вдруг вильнул и потупился.

Ого! Я, конечно же, не Шерлок Холмс или иной мастер дедуктивного метода, умеющий подмечать малейшие детали и делать из них потрясающие выводы, но тоже люблю смотреть сериалы о ментах.

– Василий... – позвал я негромко. – Помоги мне встать, пожалуйста.

Настроившийся на рыбалку казак удивленно оглянулся, но помог подняться. И даже поддержал, когда я шагнул к Типуну и прикоснулся ладонью ко лбу разбойника.

– Ты чего, паныч? – дернулся тот. – Совсем ошалел?

А Полупуд, похоже, о чем-то догадался.

– Сиди смирно, – прикрикнул на кормщика. – Вы, олухи царя небесного, понятия не имеете, кого в плену держали. Петр Ангел – потомственный ведун. Зрит прошлое и то, что не исполнилось еще. Оттого и нападение ваше неудачное, что заранее он приготовился. Да что я вам об этом толкую, сами видели, как он сразу стал палить с обеих рук, когда вы еще и головы на бортах поднять не успели.

Все, разумеется, было иначе, но кому важны детали? М-да, вот так и писались летописи, по которым потомки историю учат и за документ считают.

– Так что не дергайся, Типун. Ворожбит[5 - Колдун.] знает, что делает. А если спросит чего, не вздумай солгать – навек онемеешь.

Я не собирался затевать представление, но после такой рекламы давать заднюю некрасиво.

– Вижу... – забубнил замогильным голосом. – Тайное вижу... Квод лицет йови, но лицет бови! Темна вода во облецах, и блаженны нищие духом... Измена... Зик транзит gloria мунди! Лист в лесу спрятанный, волк в ночи крадущийся... Ворон над падалью кружит... Кровь Ирода на челе Иудином... Трах-тибидох... трах-трах...

Нести подобную ахинею я мог бы часами, не сложнее, чем на экзамене без подготовки отвечать на вопросы. Главное – уверенный тон и взгляд. Не понадобилось, кормщик сломался раньше. Взвыл дурным голосом и отшатнулся.

– Василий! Забери его! Не губи душу! Я всё скажу! Богородицей клянусь, типун мне на язык...

А я чего. Колхоз дело добровольное. Сам так сам... Но не удержался. Нагнулся к уху Типуна и произнес трагически:

– Внемли, несчастный мудрость Пифагора Самосского! Ибо он первый доказал, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы... А посему, Пифагоровы штаны на все стороны равны!

– Я не нарочно! – завопил тот. – Василий! Смилуйся! Там на носу, в одном из бочонков... который крестом помечен. Там не порох. Посмотри... Но я не собирался умолчать об этом. Всего лишь хотел кошевому о тайном поведать. Чтобы побольше за свою жизнь предложить. Клянусь честью святой Девы Марии! Типун мне на язык...

– Верю... – Кормчий был нам еще нужен. Так что стоило побережь его рассудок. А то скоро слюни со страху пускать начнет и под себя ходить. Переборщил слегка. Не учел глубину суеверия здешних людей. Тем более тех, кто и сами понимают, что грешны. Кто-кто, а они в ад совершенно не торопятся.

Подействовало. Типун угомонился, только глаза таращил и молитву шептал. Остальные разбойники тоже перекрестились, теперь поглядывая на меня с явным опасением.

Полупуд же тем временем прошел на нос байдака, отодвинул несколько бочонков, а один взял в руки.

– Есть крест... – объявил громко. – Вот только открывать мне его не хочется. Опасаюсь, как бы сокрытая в нем тайна весь байдак на щепки не разнесла.

Я взглянул на разбойника. Тот заметно успокоился и не походил на человека, прощающегося с жизнью.

– Это вряд ли...

Полупуд посмотрел на меня и кивнул. Похоже, реноме провидца пристало ко мне намертво. Потом просунул кончик ножа под ободок и стал сбивать его. А когда металлический обруч уступил, поддел крышку и откупорил бочонок. Заглянул внутрь и удивленно вздел брови.

– Ключ...

– Какой ключ? – я не сразу понял, что запорожец имел в виду. А когда дошло, Василий уже сунул руку внутрь и достал оттуда большущий, как у всем известного деревянного Буратино, ключ.

На мгновение даже показалось, что золотой. Но нет... Обычный, бронзовый. Просто сделанный недавно и еще не успевший потемнеть.

– А вот какую дверь он отпирает, не знает никто, вот те крест святой... – перекрестился кормчий. – Даже Ворон, типун мне на язык. Только тот, кто атаману его вручил, и тот – кому мы взяли груз доставить.

– Это понятно... – Я поднял глаза к небу. – Ну что ж, Искандер-ага далеко, а вот своего Иуду, что басурманам оружие и ключи шлет, мы за вымя непременно пощупаем.

Кормщик, который давно запомнил, что они сами перед грозой называли имя заказчика, только икнул. А Полупуд, наоборот, ослабил и протянул ключ мне.

– Держи, Петро. У тебя целее будет.

Ключ размерами не уступал молоточку для приготовления отбивных котлет, но, несмотря на размеры, сделан был весьма хитро. С таким количеством выступов, бороздок и отверстий, что даже мне, весьма далекого от слесарного дела, стало понятно: ничем другим, кроме него, замок не открыть. А если так, то запирает он что-то очень важное... или ценное. Очень!

Глава третья

Снасти тоже нашлись, так что и рыбки наловили. С запасом. На два дня напекли, чтобы после уже не терять время. Процедура готовки происходила тоже без отрыва от движения. Для чего к корме байдака был привязан плот, а уже на нем Полупуд лично занимался готовкой. Покуда я с самым серьезным видом держал гребцов под прицелом пистолей.

Впрочем, после столь наглядной демонстрации моих сверхъестественных умений о бунте никто и не помышлял. Гребли смирно, как овечки. Стараясь даже взглядом со мною не встречаться. А то мало ли что я там прочту из их прошлой жизни. Небось, каждый что-то припрятал на черный день и расставаться с добром за здорово живешь не хотел.

Хозяйственный казак сперва наварил полбы, а уже потом на углях запек десяток весьма внушительных рыбин, обернув их лопухами и обваляв в глине.

Интересный, кстати, способ. Если уметь, то потом можно расколоть полученную «запеканку» посерединке и получить рыбу в своеобразной керамической миске.

Очень удобно... Правда, у меня получилось правильно «открыть» блюдо только с третьего раза. В двух первых случаях пришлось выбирать из мяса не только кости, но и черепки.

Дальше гребли без происшествий и приключений. То есть вообще ничего не происходило. День сменился ночью, и мы слегка передремали, чтобы с утра снова налечь на весла. И казалось, плавням этим не будет ни конца, ни края. Кто только додумался обозвать это море разливанное Великим Лугом? Безбрежный – вот более точное определение. Хотя я тоже неправ – берега как раз были, кругом и повсюду. Узкими, косами и отмелями. Порой – извилистыми и длинными, а порой – всего с пяток шагов. А за ними сразу начиналась следующая протока или заводь. Чуть посверкивающая водной гладью и обильно заросшая камышами. И я уже начинал подумывать о том, что мы больше никогда не выберемся на сушу и не увидим людей, а останемся здесь жить парой робинзонов с целой кучей Пятниц.

Но ближе к вечеру мои опасения развеялись.

– Табань! – распорядился кормщик и объяснил Полупуду: – Всё, приплыли, типун мне на язык. Дальше пути нет... Вода закончилась. Только топи. Засосет так, что волами не вытащить.

– Не понял?

– А чего тут непонятного? Я привел байдак так близко к Сечи, как смог... с этой стороны. Тем более с таким грузом. Дальше – мелководье. Челном или вплавь. Нравится тебе это или нет... типун мне на язык.

Василий взобрался на тюки, чтобы осмотреться, и в этот же миг его окликнули:

– Пугу, пугу!

– Пугу, пугу! – широко усмехаясь, Полупуд поднес ладони к губам и ответил таким же окликом, чуть смазанным из-за улыбки.

– Кем будешь? – отозвался невидимый собеседник.

– Казак с Луга! Сам не видишь, что ли?

– Мало ли что я вижу... – резонно заметил голос, и я только теперь разглядел казака, прячущегося в кроне кряжистого дуба, чьи толстые ветки нависали прямо над протокой. – Тетеря вон вчера божился, что свиное рыло в окне корчмы видел. В смушковой шапке и красной свитке...

– Ты же не в шинке, – не менее резонно ответил Полупуд. – Трезвый. Значит, глазам верить должен.

– Верно... – согласился казак. – Вот я и думаю, что ты за птица? Обычаи вроде знаешь. Но плывешь с юга. А в тех сторонах только басурманское жильё. И хлопцы у тебя на веслах, к лавкам привязаны, чисто галерники... Не похристиански. Что скажешь?

– То такие хлопцы, – отмахнулся Полупуд, – что и в кандалы заковать не помешало бы. Когда придешь кием их чествовать, вспомнишь этот разговор. А что со стороны моря идем, так и тому причина найдется.

– Заблудились мы... Что тут такого?

Я вроде негромко, сам себе сказал, но то ли слух у дозорного был изумительный, то ли звуки над водой разносились слишком далеко, но запорожец услышал и рассмеялся так залиvisto, что едва с дуба не рухнул.

– Это кто с тобой такой веселый? Из какого куреня будете, панове-товарищи? Не узнаю...

Полупуд дернул себя за ус и показал мне за спиной кулак. Мол, не лезь поперед батьки в пекло.

– Петро Ангел. В ученики пристал. Толковый хлопец. Еще всеми нами покомандует. Не признаешь, значит? А вот мне твое обличье знакомо. Не Иван Грач часом?

– Погодь, погодь... – пригляделся тот внимательнее, приложив ладонь козырьком. – Побей меня вражья сила! Полупуд?! Василий?

– Ну, наконец-то... – прогудел довольно запорожец. – А то я уж волноваться стал, чего это меня товарищи не узнают. Вроде бороды не отпускал и юбку не надел.

– Так ведь погиб ты! – вскричал дозорный. – Уже неделя минула, как за помин души чашу пили!

– Вот это круто руль заложили, – пробормотал кормчий. – Так и байдак опрокинуть не долго, типун мне на язык.

Полупуд помолчал немного, обдумывая новость.

– Гм... И кто ж надоумил товарищество меня хоронить?

– Так гонец из Умани к кошевому прискакал. Он весть о разорении татарами Свиридова Угла и привез. Сказывал, одно пепелище от села осталось. А ведь мы знали, что ты там после похода раны залечивал, а потом и зимовать остался. Куренной даже поговаривал, что приглядел ты себе в селе молодуху какую-то и осесть собирался. Брехали, что ли?

Василий опять дернул ус.

– И да, и нет... Долго рассказывать. Как-нибудь напомнишь мне в шинке... Если жбан пива поставить не поскупишься.

– Договорились, – потер ладони в предвкушении занимательной истории Иван Грач. – А что помянули живого, то не беда – теперь три раза дольше жить будешь.

– Когда к кому Старуха придет, о том лишь Господу ведомо. Но после нападения на Свиридов кут со мною еще много чего приключилось. И если бы не этот хлопец, – Полупуд не поленился, указал на меня, – может, и кстати бы заупокойный молебен пришелся бы. Так-то... Не зря я его Ангелом прозвал. Ну, да будет баяндрасы точить... Зови хлопцев, принимайте челн. Груз на нем знатный. Товариществу понравится. А мне к кошевому атаману спешно. Дело

важное... Может, как раз то самое, из-за которого аж с самой Умани гонца гнали. Лодку дашь, или гать потайную проложили? Изменилось все за год, ничего не узнаю.

- Плавни, как дети, - согласился дозорный. - Год-два не видел, и не узнать. Может, твои, может - подменили.

- Абы жена не чужая, остальное стерпится... типун мне на язык, - хохотнул кормчий.

Странно, но Типун вел себя не как изгой или преступник, доставленный на суд, а словно с дальней дороги домой вернулся. Свободно и весело. Точь-в-точь как Полупуд. И поскольку объяснения этому я не мог найти, решил с кормчего глаз не спускать. По меньшей мере пока не пойму, в чем загвоздка.

И еще одно... Допустим, Типун всю жизнь на Днепре прожил и знает реку, как собственный дом, но здесь же не главное русло. Как он сумел, без единого указателя, по всем этим тайным протокам найти дорогу аж к самой Сечи? Сомневаюсь, что это ведомо каждому харцызю и разбойнику. Особенно из тех, которые оружие басурманам возят! Да будь такое возможно, казацкая крепость давно б уже была басурманами уничтожена!

Так что и этой странности тоже не мешало бы найти разумное объяснение. Даже удивительно, что Полупуд не обратил на это внимания. Ну, да ничего, моя паранойя не дремлет, и ее мнительности нам на обоих хватит.

- Лодка, - ответил дозорный. - Подводи байдак вон к тем вербам и прыгай на дерево. Как слезешь, увидишь. Плыви прямо, как плыл. Аж до снопа к шести привязанного. За ним сверни направо. На следующей вехе - еще раз направо. А там уже увидишь. Или тебя заметят... Мимо острова не проскочишь.

После заложил пальцы в рот и дважды свистнул. Но и на том не ограничился, а зачем-то постучал рукоятью ножа по стволу дуба. Десяток казаков возник по обоим бортам, словно из-под воды вынырнули. Впрочем, может, так оно было. Потому что некоторые, как длинные мундштуки или сигареты, держали во рту стебли тростника.

– Хлопцы, с гребцами не брататься, пока круг атаманов не решит, что с ними делать! – предупредил запорожцев Полупуд. – Я их как разбойников знаю. Чтобы кровь проливали, того не видел, брехать не стану. Но на атамане ихнем печать Каинова навеки выжжена. Ворон.

– Так ты и с Вороном встретился? – вновь отозвался Иван Грач. – Знато... Еще один мертвец воскрес!.. Василий, Христом Богом заклинаю, не рассказывай своей истории, покуда я не сменюсь. Мне только до заката тут куковать осталось. А за это я тебе кварту горилки поставлю. По рукам?

– Хорошо... – пожал плечами Полупуд. – Как поговорю с Серком, в курень зайду. Там и найдешь меня, ежели не передумаешь на угощение раскошелиться. Пошли, что ли, Петро?

И тут я заметил, как напрягся Типун. Кормщик явно хотел что-то сказать, но не решался. Гм? Я же сам решил с него глаз не спускать.

– Василий, давай Типуна сразу с собою возьмем. Он ведь тоже к куренному торопится. Да и рассказать... – погладил по пазухе, где висел на бечевке таинственный ключ, – ему есть о чем. В довесок к нашим словам. Все равно за ним сразу пошлют, как только ты о ключе вспомнишь.

Типун быстро опустил глаза, но я успел заметить, что напряжение из взгляда кормщика исчезло. Да и подхватился он со скамьи чересчур торопливо. Словно только этого и хотел. Ох, непростой ты разбойник... Ну, ничего. Я на стрёме.

Полупуд лишь кивнул. Мол, резонно. Пусть так и будет. Встал на борт, мощно оттолкнулся, аж доски скрипнули, и прыгнул на вербу, которая приняла его с радостным хрустом ломающихся под весом казака веток. У меня получилось еще хуже. Нет навыков десантироваться на деревья. Хорошо, ветки у вербы гибкие, пружинистые, а не острые и твердые сучья, – иначе без членовредительства не обошлось бы. А вот Типун, несмотря на раненую руку, проделал все с ловкостью обезьяны. Прыгнул, завис на ветке, качнулся разок и уже стоит внизу. Как на эскалаторе съехал. И пока мы с казаком озирались да отряхивались, уселся в пришвартованную рядом лодку с таким видом, словно невесть который час нас тут ждет. М-да, рожденный ползать... альбатросом никогда не станет.

* * *

Свернув направо во второй раз, лодка выскочила из камышовых зарослей на весьма приличных размеров протоку. Вода здесь не стояла, а, весело шумя, проносилась мимо пологого острова. В верхней части которого, метрах в ста от берега, стояла небольшая деревянная крепость. Опоясанная сплошным, крепким частоколом с двумя видимыми с воды башнями на углах и одной широкой, надвратной. Виднелись также жерла нескольких пушек... Или мортир... В этом я не спец. Но размеры солидные, хоть арбузами заряжай. А еще за частоколом высился крест, венчающий маковку церкви... Православный.

Вся площадь перед частоколом аж роилась от народа, словно в супермаркете в день предпраздничных распродаж или перед офисом объявившего о банкротстве банка. Не меньше сотни... Гомон тоже стоял соответствующий. Удивительно, насколько заглушают звуки камыши и тростник. Пока не выплыли на плес, ничего не слышал. Даже сомневаться начал, хорошо ли запомнили указания и туда ли свернули. А потом как звук включили...

Особенно со стороны одной, самой большой группы, плотно облепившей перевернутую вверх килем большую лодку. Более стройных, чем байдак, обводов и хищного, что ли, вида. Явно предназначенную для стремительного броска, а не для перевозки грузов. Видимо, это и есть та самая чайка, легендарное судно запорожских казаков, на котором они переплывали Черное море и задавали жару Высокой Порте.

- Тащи! Тащи...

- Куда прешь?! Глаза разуй!

- А чтоб тебе повылезало! Стой, зараза!

- Заноси! Заноси!

- Осторожно!!!

Часть толпилась на берегу, а другая - по колени в воде. То ли вытаскивали для починки, то ли наоборот - спускали на воду.

В другой стороне острова, отсюда невидимой, поднималось несколько десятков дымов и звенели наковальни. Из-за шума протоки казалось, будто перезвон доносится издалека. А то и вовсе из-под воды.

Лодка ткнулась носом в прибрежную мель и остановилась. Полупуд тут же выпрыгнул и поклонился в пояс.

– Ну, здравствуй, матушка Сечь. Давненько ж я дома не был, – Василий перекрестился на церковь.

Вслед за ним перекрестился и Типун. Право слово, поведение разбойника интриговало меня все больше. На нас стали оборачиваться, так что и я осенил лоб крестным знаменем.

– Эй! Хлопцы! – заорал самый глазастый, бросая шапку оземь. – Гляньте! То ж Полупуд! Чтоб меня турецким ядром на части разорвало, если брешу!

– Точно... Василий... – согласился еще кто-то. – Вот так штука. А мы ж его...

– Челом, братья! – поклонился казакам Полупуд. – Рад, что помните. И что чарку за упокой души поднять не погнушались, тоже спасибо. Теперь сто лет проживу, не меньше.

– Здорово, чертяка! – подскочил к Василию совершенно голый казак. На загорелом до темноты мореного дуба и густо испачканном то ли дегтем, то ли еще каким жиром теле вода висела отдельными каплями, словно бисер. И от этого запорожец сверкал на солнце, будто огромный кусок льда или слюды. – Дай же я обниму тебя, товарищ дорогой! Как же я рад, что ты цел!

Казак и в самом деле полез обниматься и целоваться, совершенно не стесняясь ни наготы, ни грязи. Не смутило это и Полупуда.

– И я рад тебя видеть, Смола, – отвечал он весело, похлопывая казака по мокрой спине. – Гляди только, не прилипни. Мне еще к кошевому надо.

Неизвестно, прилип бы «нудист» или нет, но его уже оттерли в сторону другие запорожцы, тоже желающие высказать свою радость возвращению.

При этом некоторые поглядывали на нас с Типуном, но с вопросами не лезли. Любопытство на Сечи не поощрялось. Слишком многое прибывшим сюда хотелось забыть о прошлой жизни и никогда больше даже случайно не вспоминать. Принятым в науку новикам наставники так прямо и говорили: «Смотри, слушай, на ус мотай, а захочешь спросить – подумай еще разок и промолчи».

– Всё, всё, братцы... – освободился от дружеских объятий Василий. – Как солнце сядет, приходите в шинок к старому Шмулю, там и побеседуем обо всем. Сейчас не гневайтесь – дело не терпит.

С этими словами казак подхватил под руки нас с Типуном и потащил к воротам в крепость.

Вход в Сечь никем не охранялся, ворота стояли нараспашку, и лишь пара здоровяков громко храпела кверху пузом рядом с коловоротом, опускающим толстую кованую решетку. В общем-то верно, от кого закрывать, если на всем острове только казаки.

Хотя с этим выводом я поторопился. Чем выше мы поднимались по склону, тем больше ранее невидимых подробностей открывалось взгляду. Например, в той стороне, где я пометил дымы, было нечто похожее на предместье. Только не из хат, а землянок, шалашей и навесов. Над землянками наверх выходили только покатые крыши из плотно уложенных веток. И лишь некоторые, самые большие, были укрыты дерном. Невысокие кусты там уже сами выросли. Похоже, их строители и хозяева не беспокоились о комфорте и уюте. Главное – быстрота и дешевизна постройки. Поскольку при нападении дом или избу за стену крепости не спрячешь. Так зачем зря тратиться на то, что наверняка сожгут и разграбят?

Из истории я знал, что почти не было ни одного года, чтобы Сечь не пытались уничтожить. Особенно зимой, когда плавни замерзали и становились проходимыми для большого войска. И время от времени басурманам это удавалось. Оттого и перемещалась она по всему Великому Лугу от порогов и даже до берегов Черного моря. Возрождаясь из пепла, как птица феникс. Чтобы снова собрать разрозненные курени да паланки[б - Паланка – городок, укрепление из кольев, свай, палисад, иногда земляное укрепление без бастионов. А также административно-территориальная единица (округ) на территории Запорожской Сечи.] в одно грозное войско.

Первая неожиданность караулила нас сразу за воротами. Там стояли две большие пушки, слишком тяжелые для того, чтобы их водрузили на башни, и, видимо, предназначенные для стрельбы прямой наводкой. А рядом с одной из них, прикованный толстой цепью к лафету, понурив голову, сидел давешний знакомец – Олесь. Конокрад и обманщик. И, похоже, давно сидел. Поскольку казаки, проходя мимо, не удостоивали его даже взглядом, как привычную деталь пейзажа.

– Вот так встреча! – хлопнул по бедру Василий. – Не зря говорят, что кривдой мир обойдешь, а назад не воротишься.

Олесь смолчал, только голову еще ниже опустил. Вместо него отозвался казак, сидящий на второй пушке. С копьем в руке. На страже, значит.

– Знаешь ее, что ли?

– Ее?! – от изумления Полупуд даже ус дернуть забыл.

– Ну да... – подтвердил стражник. – Девка это.

– Забодай меня корова, – озадаченно почесал затылок Василий. – Вот так штука. Хотя не рассказывай никому. Засмеют... – потом пнул меня в голень. – Ну, я, положим, пень старый, нюх потерял. А ты? Молодой парень, неужто не почуял?.. Хотя о чем я... – запорожец только рукой досадливо махнул. – Запомню, что ты с малолетства по монастырям... Откуда тебе знать, как девка пахнет... Встретил черт слепого да немого... вот и обвел вокруг пальца.

– А что она сделала?

В отличие от Полупуда, перевоплощение Олеся в Олесю меня не сильно удивило. В моем мире и не такое возможно. Взять хотя бы знаменитую шекспировскую «Двенадцатую ночь». Или ту бородатую певичку, не дай бог перед сном увидеть... А вот почему человек, рвавшийся на Сечь так, словно речь шла о жизни и смерти, сидит прикованный, как преступник – было очень интересно. Ведь не для этого же она так рисковала всем? Даже лошадей у казаков украсть рискнула, что само по себе весьма чревато последствиями. Конокрадов нигде не любят, а уж запорожцы особенно. Что же пошло не так?

– То есть как «что»? – недоуменно сморгнул стражник. – Она же баба... – и как для тугоухого повторил громче: – Баба!

– Не удивляйся, – объяснил ему Полупуд. – Хлопец из монастыря сбежал. Первое лето казакует. Обычаев Низовых не знает.

А меня за рукав дернул.

– Забыл? Молчи, слушай и варежку не разевай!

– Да не о том разговор, Василий, – заупрямился я. – Что женщинам на Запорожье ходу нет. И нарушение карается смертью – всем ведомо. И она, я думаю, тоже об этом знала. Но ведь пошла на такой риск. Зачем?

– Откуда мне знать, – пожал плечами тот. – Девки от любви, как совы днем, слепнут. И сослепу насмерть расшибиться могут. Видимо, и эта не ведала, куда летит.

– Не похоже на любовь... – не согласился я. – Другое тут что-то.

И, не обращая внимания на окрик стражника, присел рядом.

– Тебя ведь не узнали, правда? Ты сама открылась? Зачем?

– А ну сдай назад! Нельзя с преступницей разговаривать! – бросился ко мне стражник.

Типун тоже. Но при этом кормщик неловко задел раненое плечо и со стоном повис на руках сторожа, изображая умирающего лебедя.

– Кошевого спроси... – подняла на меня заплаканное лицо девушка. От грязи и пыли оно стало похожим на трагическую маску, по которой художник небрежно провел две светлые полосы, обозначающие слезы. Вот только плакала Олеся по-настоящему. И боялась... – А я лишь клятву сдержала. Не могла иначе...

Я наверняка узнал бы больше. Ей хотелось хоть с кем-то поговорить. Но теперь меня за плечо взял Полупуд. А кто хоть раз побывал в его руках, тот навсегда

запомнил, что дергаться бессмысленно.

– Сказано тебе – не суйся! – рявкнул сердито. – А то мигом кнута схлопочешь. И ты тоже стой смиренно, – рыкнул на Типуна.

Потом притянул меня к себе и зашептал на ухо:

– Думаешь, я дурнее? Тоже понимаю, что не затем она сломя голову на Сечь торопилась, чтобы на цепи посидеть. Погодь... разберемся. Но сперва кошевой атаман, которому надлежит о Хотине и планах Орды узнать. Потом – казакам со Свиридова угла... кому добрую, а кому и злую весть передадим. А уж потом свое любопытство потешим.

– А не опоздаем?

– Разумно... – признал Василий и повернулся к стражнику. – Извини дурня... Мало бил. Боится, что казнь не увидит...

– Молодой... – понимающе кивнул казак. – Пятница нынче. Негоже постный день казнью пачкать. Велено завтра на заре утопить. Так что, если не проспите, не пропустите. Хотя... я думаю, она так визжать будет, что мертвого разбудит.

– Значит, не проспим... – Василий снова подхватил нас с кормщиком под руки и потащил дальше. – Слышали? Вот и ладно...

– Ладно... – проворчал разбойник. – Девиц казнить... Что ж тут ладного, типун мне на язык. Как по мне, так и совсем ничего. Задрать подол на голову да выпороть так, чтоб месяц на животе спала. И сама на всю жизнь науку запомнит, и другим сто раз закажет. Убивать-то зачем? Мало их и без нас басурмане в полон угоняют?

* * *

Первый и единственный раз путь нам преградили прямо перед порогом в стоящую отдельно от длинных и приземистых, крытых тростником барачков, небольшую, всего лишь из двух светлиц, зато чисто выбеленную хату. С пусть небольшими и мутноватыми, но стеклянными окнами и резными наличниками.

Двое казаков с напускной ленцой поднялись со скамьи возле крыльца и шагнули навстречу.

- Осади помалу. Не в корчму прешь.

- Здорова, хлопцы-молодцы, - поздоровался с ними Полупуд. - Мне к атаману... Срочно.

- Кому срочно, а кому и подождет... Почивает Серко. Сказал, не будить, покуда сам не встанет.

- Не пойдет, - гнул свое Василий. - Дело важное.

- Дел много, - не поступился и есаул[7 - Помощник атамана, позже - воинское звание.], - а кошевой у нас один. Хочешь поговорить - вон там, в холодочке обожди. Как проснется, сам выйдет.

- Хлопцы, вы не понимаете... - начал заводиться Полупуд.

- Это ты, друже, не понимаешь... - придвинулся второй есаул, но не угрожающе, а чтоб голос не повышать. - Батька всю ночь со старшиной совет держал. Только-только прилег. Поимей совесть. Дай человеку отдохнуть. Атаман хоть и крепкий еще, разозли - вола кулаком убьет, но ведь и не вьюнош. Лета свое берут.

Но как раз в этот самый миг двери в хату скрипнули и на пороге показался седой, крепкий мужчина, среднего роста. Длинноусый, с острым ястребиным лицом и таким же хищным, пронзительным взглядом. Богатый восточный халат расхристан, так что на волосатой груди виден большой серебряный крест на обычной бечевке. Одна щека примятая, глаза от недосыпа красные, но сабля на боку, а в руке короткая нагайка.

- Что-то я не расслышал, - проворчал он негромко. - Кто тут вьюнош, а кто старец?

- Так вот же, батька атаман, - первый есаул ткнул в меня пальцем.

Молодец. Сообразительный. Зачем лезть под руку человеку спросонья? Вдруг кошевой не с той ноги встал? А так – и стрелки перевел, и доложил.

Кошевой мазнул по мне тяжелым взглядом, чуть дольше задержал его на Полупуде и удивленно вздел брови, добравшись до Типуна. Но тут же взял себя в руки и продолжил в прежнем, ворчливом тоне:

– Что-то зачастили ко мне эти вьюноши... спозаранку. Надеюсь, на этот раз хоть не девка? Проверили?

– Батька атаман, – возмущенно воскликнул один из есаулов. – Ну откуда ж нам было знать? Или прикажешь каждому гостю штаны снимать, прежде чем в избу войти? Как в нужник?

– Поговори у меня! Руками щупать надо, если глазами слабы... – пригрозил помощникам нагайкой кошевой. – Опозорили на старости лет. А если б она не призналась? Знаете, какой бы по всему миру слух пошел?.. Что на Сечь нынче не то что врагам, даже бабам ворота открыты. Тьфу! Сгиньте с глаз моих! Пока и в самом деле не осерчал да не высыпал горячих!

А когда молодые казаки проворно метнулись прочь он начальственного гнева, кинул вслед:

– Куда ускакали? На коне не догнать. Обед подавайте. Да так, чтоб и гостям голодными за столом не сидеть.

Сунул нагайку за голенище и спустился с крыльца.

– Челом, батька атаман, – поклонился Полупуд.

Мы с Типуном тоже не погнушались спины согнуть. Кошевой войска Низового Запорожского фигура солидная. Хоть и выборная должность, а генеральская. Если в военное время. А в мирное – губернатор, не меньше. А то и президент республики.

– Я – Василий Полупуд, товарищ Минского куреня, – продолжил казак. – Пришел с вестью важною.

- И тебе не хворать, молодец, - кивнул тот. - Новость короткая или длинная?

- Хотин... - одним словом ответил Василий.

- Вот как... - сразу посерьезнел кошевой и указал на дверь. - Тогда пойдем в хату. Похоже, разговор долгий намечается.

- Погоди, батька... - замялся Полупуд. - Прежде чем в дом войти, я сказать должен.

- Говори, если должен, - остановился тот.

- Я привел с собой тех, кто моим словам весу придать могут и растолковать подробнее. Выученик мой... и пленный разбойник... - Василий указал на кормщика. - Не знаю, гоже ли будет и его, наравне со всеми, привечать?

Кошевой посмотрел на Типуна, и мне снова показалось, что переглядываются они не просто так, а как давние знакомцы.

- Пут на нем не вижу, - пожал плечами. - Если до сих пор не сбежал, то теперь уж точно никуда не денется. Виноват - ответит. Закон на Сечи один для всех. А знает что важное и готов поделиться - круг оценит.

- Спасибо...

- Не торопись, как голый в баню... - отмахнулся кошевой. - Там видно будет. А теперь либо заходите, либо посторонитесь... - кивнул на нескольких джур, спешащих с горшками, мисками и большим жбаном. Ушлые есаулы исхитрились и наказ исполнить, и на глаза не сунулись - парнишек прислали.

Внутри жильё кошевого ничем особенным не отличалось. Хата как хата. В глубинке, по деревням таких много. Разве что ковров на стенах больше. И не абы каких. А уж оружия развешено и выставлено столько, что на пару-тройку исторических музеев хватит с избытком. Тут и панцири[8 - Так именовались все виды кольчужного доспеха.], и кирасы, и щиты... Мечи, топоры, копья, секиры... Сабли и ятаганы. Булавы, моргенштерны[9 - Тип дробящего оружия.] и боздуганы[10 - Тип дробящего оружия.]. Луки в сагайдаках и колчаны со

стрелами... Все отборное, парадное. Инкрустированное драгоценными металлами и камнями.

Длинные, на пять седоков каждая, скамьи под стенами застелены волчьими и лисьими шкурами. Широкое ложе, видимое сквозь распахнутую дверь в другой комнате – тоже.

– Да не стойте вы, как над покойником, – кошевой уселся во главе стола, уже обильно сервированного всевозможными яствами. Самыми простыми и постными – хлеб, рыба, сыры, печеные яйца, фрукты. Зато в таких количествах, словно после нас еще как минимум полкуренья обедать будет. – В ногах правды нет. Ешьте, пейте и рассказывайте, с чем пришли.

После этого, как бы исполнив ритуал хозяйского радушия, притянул к себе кружку, набулькал в нее из жбана чего-то пенного и ароматного и жадно осушил двумя глотками.

– Благодарю за угощение, батька атаман, но прежде чем трапезничать, должен я тебе поведать о том, что лишь недавно узнал. Слишком важное, чтобы и дольше держать при себе. Ошибаюсь или нет – о том не мне судить, но многое указывает, что еще нынешним летом султан двинет войска на Польшу или Русь. И, вернее всего, направятся они под Хотин.

Кошевой положил обратно уже оторванную куриную ногу и вперил в Полупуда тяжелый взгляд.

– Такое известие голословным быть не может. Казак ты опытный, не новик, и понимаешь это. Значит, не просто так говоришь. Выкладывай все, что знаешь. Без утайки и опасения, что я с недоверием к твоему рассказу отнесусь. Мы хоть и в плавнях сидим, да не на краю света. Тоже кое-что слышим и видим.

Полупуд неуверенно поглядел на кормщика. Кошевой перехватил взгляд.

– О разбойнике беспокоишься? Забудь... Как бишь звали его? – поинтересовался таким тоном, словно говорили о ком-то отсутствующем.

– Как крестили, того не ведаю, а в ватаге Типуном кликали. Он у них кормщиком был. Хороший кормщик...

– Это да, – согласился кошевой и продолжил ни на кого не глядя, словно сам с собою разговаривал: – Семен всегда на кормиле лучше других себя казал. Помню, однажды, годков десять тому или больше, мы в Варну ходили. Так если б не Семен, может, и назад не вернулись. Такой туман на море лег, что весло в вытянутой руке не разглядеть. А он, сучий сын, будто нюхом землю чуял...

– Какой Семен? – Полупуд удивленно глядел на кошевого.

– Которого ты, Василий, в плен взял... – засмеялся Серко. Вскочил и в пару шагов оказался рядом с Типуном. Сдернул кормщика со скамьи и сгреб в объятия. – Ну, здорово, друже. Где ж ты столько пропадал. Я уж и ждать перестал. Думал, всё... Нашел покой в столь милой твоей душе пучине вод Днепровых.

– Их стараниями... – проворчал кормщик, морщась. Видимо, объятия разбередили рану. – Так могло и случиться, типун мне на язык. Господь оборонил. Всего лишь поцарапали немного. Но ты, Иван, не веселись сильно. В Кызы-Кермен я не доплыл. С людьми не встретился. Поэтому толком ничего не разузнал, в доверие к предателям не втерся и, помимо слухов, прибавить ничего не смогу. Будем надеяться, что хоть Полупуд не с пустыми руками на Сечь пожаловал. Одно верно – война грядет. Большая война... Порта, как осиное гнездо, гудит. И крымчаки табуны на дальние пастбища не гонят, рядом с улусами держат. А это, сам знаешь, примета верная.

– Это да... – кошевой отпустил Типуна и вернулся на свое место. – Говори, Василий. Больше перебивать не стану. Просто хотел, чтобы ты знал, что тут все свои. И что Семен Типун такой же товарищ войска Низового, как и мы с тобой. А что разбойником прикидывался, так служба у него такая. Во имя веры нашей, Православной церкви и Отчизны.

«Любите сюрпризы! – охнул я мысленно. – Кино и немцы, блин! Штирлиц отдыхает...»

Полупуд выложил карту у Сафар-бея и приступил к рассказу, время от времени кивая в мою сторону. А я под шумок тихонечко стянул с подноса печеное яйцо и сунул в рот.

Во-первых, проголодался. Во-вторых, так лучше думается. Особенно если вопрос врасплох застанет. А поразмыслить есть о чем. Ведь, как ни крути, а своим героизмом мы сорвали чью-то тайную операцию по внедрению нашего лазутчика во вражеский стан. Операцию настолько важную, что кто-то счел груз сотни новейших мушкетов и огневой припас к ним вполне адекватной ценой за легализацию агента. И просто так, даром, нам это с рук не сойдет. К гадалке не ходи... Значит, надо срочно что-то придумывать. Так сказать, ответный ход. Причем не менее ценный и результативный.

Глава четвертая

– Ключ...

Типун протянул руку, тем самым возвращая меня обратно в хату кошевого. Серко тоже выжидающе уставился. Так я и не собирался зажать. Держите.

Кормщик сидел ближе, поэтому я протянул ключ ему.

– Вот...

Семен без задержки вручил таинственную находку кошевому.

– Важная работа, – оценил Серко. – Поди, немцы делали. Или голландцы. Они по замкам мастера. Толково... И ты, Семен, говоришь, что не знаешь, какую дверь он отпирает?

– Не знаю, Иван, типун мне на язык. И о ключе том догадки не имел, покуда этот ворожбит не заставил проговориться о тайне, которую мне Ворон доверил.

– Ворожбит? – Серко с интересом посмотрел в мою сторону. – Ну, ну... Ладно, об этом после. Рассказывай дальше.

Похоже, я слишком углубился в процесс поедания печеных яиц и размышления, потому что пропустил весь рассказ Полупуда и большую часть приключений

Типуна. Это я напрасно. Внимательнее надо слушать. А то на ус мотать нечего будет. И сами усы вырасти не успеют.

– С кем Ворон в городе встречался, я не видел, да и не лез. Кто крамолу замыслил – у того уши торчком. Лишний взгляд, ненужный вопрос – и нож под ребра, типун мне на язык. Я так рассудил, когда груз доставим – Ворон мне больше доверять станет. И на обратном пути таиться меньше будет. Тогда я и того, кто среди наших басурманам предался, найду, и с кем он в Кызы-Кермене встретится, тоже увижу.

– Разумно, – согласился кошевой.

– А о ключе... Вернее, о том, что в бочонке, помеченном крестом, спрятано нечто важное, я узнал позже. Когда мы уже отплыли. На порогах нас немного поскребло дном о камни... типун мне на язык. Слишком уж тяжелый груз. Не помогло даже то, что часть перенесли берегом. Вот тогда Ворон и отозвал меня в сторону. «Типун, – говорит, – если со мною что-нибудь случится, можешь потерять весь груз, утопить байдак, но вот этот бочонок... – показал который, – доставь в Кызы-Кермен. На рынке спросишь кожевника Ибрагима. Он товар примет и рассчитается. Если сделаешь, как говорю, не пожалеешь».

Серко достал трубку (обычную, из груши или бука!) и набил табаком. Прикурил от свечи. Затянулся.

– А почему разбойник тебе доверился, как думаешь?

– Наверно, больше некому было... – вместо кормчего ответил Полупуд. – Я всю ватагу видел. Такие морды... родную маму продадут. Узнав о ценности чего-то небольшого, вполне могли попытаться украсть и сбежать. А чтоб их не догнали – днище байдака прорубить.

– Да, – согласился Типун. – Василий верно подметил. У Ворона тот еще сброд под рукой был. Каждый своего атамана стоил. Чужую жизнь забрать, что свечу задуть. А уж если хороший куш зачуют – друг другу глотки перегрызут. Только Ворона и боялись. Знали, что вожак нелюдь пострашнее их самих. К слову, из тех четверых, что на веслах сидели, только один снисхождения заслуживает – Антип Куцый. На нем невинной крови нет. Остальных давно черти ждут.

– Понятно. А ты, Семен, значит, не такой... Аки агнец... – словно осуждающе произнес Серко. – Но все же Ворон тебя к себе принял и доверие оказал. Не странно? Может, не о доверии речь, а о проверке?

Ни Типун, ни Полупуд к такой трактовке событий готовы не были и лишь переглянулись растерянно.

– Гм... да... Умеешь ты, Иван, спросить... – пробормотал кормщик, усердно скребя затылок.

Я негромко кашлянул в кулак, привлекая внимание. Влезать без спросу в разговор старших не по чину, можно и чубуком по лбу схлопотать, но если сами спросят... Спросили.

– Говори, ворожбит... – ухмыльнулся кошевой. – Не мнись, как девка на выданье. Не на раде... За столом у каждого голос имеется.

– Ты, батька, усомнился, а я так смекаю... У Ворона и без Типуна душегубов полная пазуха. Хорошего кормчего найти, да еще такого, что от правосудия прячется и к ватаге разбойной пристать готов – задача посложнее. А если вспомнить стоимость груза, который тати в Кызы-Кермен везли, то даже без дополнительных тайн атаману надо было хорошенько подумать, кого за кормило садить.

Серко только крякнул одобрительно. Ну, а Полупуд с готовностью вцепился в ус.

– Разумно говоришь... Что еще прибавить хочешь?

– Если Ворон ключ этот ценил больше тысячи мушкетов, то я думаю... надо его по назначению доставить. Тем более, разбойник подсказал, как это сделать, не вызывая подозрений, оставив оружие и огневой припас себе.

– Сдурел?! – чуть не подпрыгнул Полупуд. – Прости его, батька! Петрусь дюже умный хлопец, но крепко в голову ушибленный. Иной раз мудрее библейского старца, а иной раз такое сморозит, что ни в тын, ни в ворота.

Но кошевой лишь бровью в его сторону повел, угомонись, мол, – а сам с меня глаз не спускает.

– И почему же столь ценную вещь мы сами должны врагу отдать? Ну-ка, объясни. А то я и впрямь в толк не возьму.

Был бы я дома, апеллировал бы к логике, но здесь, боюсь, это не прокатит. Не принято в этом мире желторотым соплякам, вроде меня, крови не видевшим и пороха не нюхавшим, на слово верить. Покуда делом не докажут, что доверия достойны. Значит, придется прибегнуть к методу более действенному. Суеверию...

– Видел я...

Полупуд, показывая кроки[11 - Кроки – подробное изображение местности, выполненное путем глазомерной съемки, непосредственно в поле.] Сафар-бея, в общих чертах рассказал и о моих возможностях зреть будущее, выпадая в транс. Что, к слову, совершенно никого не удивило. Так что выдвинутое объяснение ложилось в легитимную канву.

– Когда о битве османов с ляхами у той крепости рассказывал...

– Под Хотинном? – уточнил Серко.

– Того не ведаю, батька атаман. Я в тех краях никогда не бывал, поэтому узнать местность не могу. Описал лишь увиденное. А уже Василий решил, что это Хотинская твердыня.

– Ладно. После еще раз расскажешь. Мне... Поглядим, смогу ли и я с такой уверенностью опознать. А покуда продолжай.

– Перед картиной битвы... было мне еще одно видение. Коротенькое. Потому и забыл о нем, насмотревшись на то, как страшно гибли польские гусары. А когда ключ в руке подержал – вспомнил. А видение такое... Дверь в подземелье... Длинный-длинный коридор... Темный и сырой. И по нему словно многотысячная стая крыс идет. Тишина жуткая, только за спиной коготки скребут да лапки шуршат... Ш-ш-ш... Ш-ш-ш... А когда оглянулся – увидел, что это не крысы.

Потому что над ними факелы горят. А из полутьмы глаза блестят. Много глаз... И доспехи. Я испугался и бросился бежать. Потом подземелье пропало, а я увидел бой...

Вроде складно получилось. Никто не перебивал. Дали даже напиток, ждали продолжения. Теперь можно и к логике переходить.

– Вот я и думаю... А что если Ворон вез ключ от двери тайного хода в замок?

– Понятно, что не от королевской казны, – хмыкнул кошевой. – Она уж который год пустует и задаром никому не нужна... Слова твои снова разумны, но не объясняют, зачем нам его врагу отдавать? Наоборот, радоваться надо, что сумели перехватить и страшное предательство предотвратить.

– Порошу простить, батька атаман, если скажу глупость. Я не столь давно покинул стены монастыря и не опытен в жизненных коллизиях. Но мне кажется иначе... – Короткая пауза, но никто не возмущается тем, что сопляк бывалых казаков учить вздумал. Заинтересовались.

– Не получив ключ, враг может попытаться достать его снова. Если решит, что ключ в пути потерялся. А то и того хуже, поймет, что измена раскрыта, и выберет другое место для нападения. Пойдет туда, где его не ждут. Или еще кукую каверзу удумает, нам неведомую.

Кошевой и казаки замолчали надолго. Только хмурились да дымили в три трубки, что пароход. В комнате аж сизо от дыма стало. О еде и вовсе забыли. А вот мне последнее время постоянно жрать хочется. Я и дома на отсутствие аппетита не жаловался, но такого жора, как здесь, никогда не ощущал. Вот что значит здоровый образ жизни, свежий воздух и прочий фитнес. Мышцы, кстати, по крайней мере, те, что видно без зеркала, тоже заметно в объеме прибавили, а на животе даже какое-то подобие «кубиков» просматривается.

– Складно говорит... ворожбит... – спустя какое-то время произнес Серко. – Худо будет, если враг узнает, что мы о его намерениях не просто догадываемся, а имеем самые точные сведения. Сдвинувшуюся с места Орду, конечно же, это не остановит, но изменить конечную цель султан может. Все будут думать, что он под Хотин идет, а войска с полпути, к примеру, на Яссы свернут. Или на север – к какому иному городу. Туда, где его совсем не ждут. Или – разделит армию. Часть

отправит наши силы сдерживать, а другая, как паводок растечется – беззащитные города да села жечь. Нет! – грохнул кулаком по столу. – Этого ни в коем случае допустить нельзя... Но и отдавать своими руками ключ от крепости врагу... тоже крамолой пахнет.

– А и не надо отдавать... Зачем отдавать?

Все трое снова повернулись в мою сторону. М-да... И Макиавелли уже трактат свой написать успел, и отцы иезуиты всю орудуют, а народ по-прежнему прост и наивен.

– Кузнецов на Сечи нет, что ли? Сделайте похожий. Чтобы на первый взгляд не отличить, мало ли – вдруг тот, кому его передать надо, оригинал видел? Но замок чтобы дубликат открыть не мог. Вот и не будет никакого предательства, а лишь военная хитрость. Во-первых, есть шанс, что этот кожевник, получив посылку, тоже захочет что-то отправителю передать. И тогда мы предателя найдем. А во-вторых, когда враги решат своей подлой уловкой воспользоваться, их будет ждать неприятный сюрприз.

Тишина в комнате гробовая повисла. Даже стало слышно, как на окне в паутине муха бьется. И я вдруг почувствовал себя такой же мухой. Да не перед пауком, а перед собачьей пастью. Оно каждому известно, что муха псу не корм, а забава, но три пары глаз, глядевших на меня сейчас, принадлежали хищникам пострашнее одичавших псов. Даже мороз по спине прошелся. Ё-мое, что вам опять не слава богу? Я же для вас стараюсь!..

– В монастыре, говоришь, жил? – Иван Серко смотрел прищурясь, словно на мушку взял. – Не в иезуитском, часом?

* * *

Ах, вот где свинья порылась... В общем-то, верно. Когда человек ведет себя не так, как от него ожидают, согласно биографии – это всегдастораживает. В знаменитом фильме Говорухина «Место встречи изменить нельзя» Шарапова ловили на том, что руки у него не шоферские. Авторская натяжка, конечно. Не знаю, как у артиста Конкина, а в жизни у старлея – командира разведроты, «сорок раз за линию фронта ползавшего» и лишь недавно демобилизованного,

ручонки еще тот вид имели. Не у каждого водилы встретишь, скорее уж у слесаря. А вот на пианино Моцарта сбацать... после четырех лет войны... тут меня гложут смутные сомнения.

Но я не об этом сейчас... Сам горел синим пламенем, как шведы под Полтавой. К счастью, методика выхода из кризиса имелась отработанная и неоднократно проверенная.

– Не знаю, батька атаман... – Во взгляде только честность, искренность и немножко грусти. – Твердо я себя помню лишь с того момента, когда Василий меня в реку окунул да расспрашивать начал. А все что прежде было... – Руки в стороны пошире, голову склонить. – Ничего не помню. Хоть убей.

– А если прикажу на дыбу поднять? – буравит меня Серко глазами. Тяжелый взгляд, острый. Страшный... Ну да не на того напал. Я уже не первогодок, сопромат сдал. – Поможет вспомнить?

– погоди, батька! – кинулся на защиту Полупуд. – Воля твоя и право. Но поверь... Клянусь, что Петро не в себе был, когда мы встретились. Наг, как Иов. Даже имени своего не знал. Но крестное знамение наложил не мешкая, как положено, справа налево. Что за беда с ним приключилась, того не ведаю, но что не католик он, не иезуит – в том присягну и крест целовать стану. Велишь на дыбу взять – тогда и вторую рядом ставь. Для меня!

– Ого! – кошей склонил голову набок. Словно размышляя над предложением Василия. – Ты действительно так в нем уверен?

– Да, батька... – Полупуд не на шутку разошелся. – Мы все больше о деле говорили, о басурманах, и я на подробности не отвлекался. Но с того дня, как повстречались мы, и покуда на Сечь добирались, Петро мне трижды жизнь спасал. И не только мне. Все, кто после набега в Свиридовом углу уцелели... а это почитай полсотни баб да детворы... век Богу за него молиться будут. Небось, не зря они Ангелом его прозвали.

– Не слишком ли? – насмешливо потрянул седым чубом Серко.

– Кто знает... Если б он не предупредил нас о втором чамбуле, да гать вовремя не нашел...[12 - Упоминается история, описанная в романе «Сабля, трубка, конь

казацкий».] – казак махнул рукой. – Карай или милуй, батька. Но Петру я больше, чем себе, верю. Скорбный он головой бывает – это правда, но душою чист и веру православную чтит.

– Ну-ну... И как же он догадался о том чамбуле? – кошевой словно не замечал горячности Полупуда. – Тоже благодаря видению? Или заранее все знал? Я ведь тоже характерник. Не забыл? Вижу, когда люди лгут, а когда правду говорят. В твоих словах, Василий, я не сомневаюсь, а вот хлопец этот непрост. Совсем непрост... Почти как наш Типун. В моей горнице – казак. А за порог выйдет – снова лазутчиком турецким и разбойником речным станет. Что скажешь... Петро? Так кто же ты на самом деле? Ангел? Или, может, все-таки бес лукавый, агнцем невинным прикидывающийся?

На такие речи атамана больше никто и пискнуть не посмел. Кроме меня... Терять-то нечего. Либо пан, либо пропал.

– Василий, дай, пожалуйста, трубку...

Казак понял, не переспрашивая, полез за пазуху и вытащил оттуда мой раритет.

– Ого! – оценил Серко. – Знатная работа. Сразу видно, знающий мастер делал. Не меньше пяти золотых дукатов в Кракове за нее дадут. А в Царьграде и десяти не пожалеют.

– Натоптать? – Полупуд и кисет вытащил.

– Нет... – мотнул я головой. – Далеко заглядывать боюсь. Еще в падучей свалюсь. Только поддержи... авось, поможет.

Трубка уютно легла в ладонь и будто привет из дому передала. Так легко и радостно сделалось на душе. Я закрыл глаза и попытался вызвать в памяти то, что читал о легендарном кошевом Иване Серко. И кое-что всплыло.

– О чем говорить дозволишь, атаман? – спросил я, не открывая глаз. – О прошлом или о том, что будет?

– А все подряд и говори, – разрешил тот, посмеиваясь. – А мы с товарищами оценим. Если что, свидетели будут. Не отбрешешься потом.

– И о младенце, что родился с зубами, тоже говорить?.. – поинтересовался я как бы в некоторой растерянности.

– Чего? – Судя по голосу, это Типун влез. Но кошевой оборвал кормщика раньше, чем тот завершил фразу присказкой.

– Об этом не надо... – и в голосе его слышалось напряжение. – Говори о важном. Сплетни и бабские наговоры казакам без надобности. Мало ли что повитухи брешут.

– Хорошо. Вижу сынов у тебя двое. Уже есть или родятся только – того не ведаю. Один тезка мой, второй – Роман. Славные парубки. И дочерей тоже две. Красавицы. Все в мать – Софию. Вот только имен девочек не вижу... а вот плач слышу многоголосый. Говорят не по-нашему. Минарет... Турецкие города горят, значит. Люди мечутся в пламени, Урус-шайтана проклинаяют! Пернач[13 - Шестопер, тип булавы и символ власти.] кошевого в твоих руках вижу. Десять... нет – двенадцать раз кряду. Битвы... битвы... битвы... Много. Очень много... Сотни... На суше и на море... Ничего не разобрать. Тысячи мертвых тел... А над всеми малиновый стяг реет, твоя рука... по локоть отрубленная... и пернач в ней.

Я замолчал. Как-то коряво получалось. Такой бред любая цыганка за десятку в метро расскажет. Надо чем-то особенным впечатлить. А чем, если ни одна битва не вспоминается ни датой, ни названием?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Волк клыками, бык рогами... (лат.).

2

Аналог «прилип, как банный лист» (укр.).

3

1 маховая сажень = 2,5 аршина = 10 пядей = 1,778 метра.

4

Горе побежденным (лат.).

5

Колдун.

6

Паланка – городок, укрепление из кольев, свай, палисад, иногда земляное укрепление без бастионов. А также административно-территориальная единица (округ) на территории Запорожской Сечи.

7

Помощник атамана, позже – воинское звание.

8

Так именовались все виды кольчужного доспеха.

9

Тип дробящего оружия.

10

Тип дробящего оружия.

11

Кроки – подробное изображение местности, выполненное путем глазомерной съемки, непосредственно в поле.

12

Упоминається історія, описана в романі «Сабля, трубка, конь казацький».

13

Шестопер, тип булави і символ влади.

Купити: https://telnovel.me/kulik_stepan/novik-nevol-nik-kazak

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)